

НИКА
ФОРД

Роман с
ДЬЯВОЛОМ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ника Форд
Роман с Дьяволом

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Форд Н.

Роман с Дьяволом / Н. Форд — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Он разорил моего отца и разрушил наш семейный бизнес. Мужчина из прошлого. Богатый и опасный, красивый, как черт. Он хочет превратить меня в послушную сексуальную игрушку, но я не собираюсь сдаваться и дам достойный отпор. Посмотрим, кто выйдет победителем из нашей безумной игры. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Его темные глаза прожигали насквозь. Насмехались, издевались надо мной. Раздевали, срывая одежду слой за слоем.

Вы когда-нибудь встречали мужчину, при одном взгляде на которого все разумные мысли моментально покидали мозг, и раскаленная стрела возбуждения устремлялась в низ живота?

Губы приоткрываются, дыхание учащается. Зрачки расширены, а тело напряжено до предела. В сознании мелькают картины дикого и животного секса.

Этот человек ничего не делал. Не прикоснулся ко мне, не произнес и пары слов, даже не улыбнулся. Но томительное желание уже разливалось внутри.

Я нахмурилась и отодвинула фотографию подальше. Сейчас не время пускать слюни на абсолютно неизвестного смазливового мужика.

– Впервые его вижу, – ответила мрачно. – Какая разница? Кто это вообще такой? Может нам стоит обсудить более важные вопросы? Например, то, как нам вытащить моего отца из тюрьмы?

– Вы уверены, что не знаете его? – вкрадчиво уточнил Сергей. – Никогда не встречали прежде? Посмотрите внимательнее.

– Да, я уверена, – бросила с раздражением. – Я не идиотка.

Такого парня забыть нельзя. Настоящий хищник. Такие типы способны получить любую – хоть молодую дурочку, хоть зрелую даму. И прожженной стерве голову вскружат, и самую добродетельную женщину покорят.

На фото он сидел в полумраке за игральным столом. В одной руке держал карты, в другой зажал сигару. Галстук ослаблен, рубашка расстегнута.

Я не могла судить о его росте, но он был в отличной физической форме. Мускулистый, подтянутый. Мышцы легко угадывались через тонкую ткань одежды.

Почему Сергей о нем расспрашивает?

Он явно не руководящая фигура. Слишком красив. Я видела достаточно влиятельных шишек. Политики, главы концернов и корпораций, директора заводов, бандиты. Все они постоянно пересекались с моим отцом. Так вот, поверьте, никто из них не вызывал ни капли вождения. С точностью до наоборот. Меня воротило от каждого из них. Лысеющие и пузатые, с масляными взглядами и потными ладонями. Они старались облапать меня при первой возможности. Сдерживались из последних сил, чтобы не перейти пределы допустимого, ведь иначе отец бы порвал их на клочки.

Привлекательные юноши обычно оказывались начинающими актерами, моделями или избалованными папенькиными сынками. Еще встречались альфонсы, жиголо, у которых не было ничего святого и которое были готовы затащить в постель любую уродину, лишь бы получить выгоду в виде очередной подачки за ночь «горячей любви».

Наверное, мне стоило поразмыслить над сменой круга общения.

– Кто он? – спросила я.

И тут же поймала себя на мысли, что мне не хотелось бы узнать про его вероятную карьеру жиголо или унижительные попытки выбить роль в каком-нибудь тухлом сериале.

– Ваш отец подозревал заговор, – осторожно произнес Сергей. – Чересчур много совпадений. Вся империя вдруг трещит по швам, проблемы на совершенно разных фронтах. Угроза банкротства, расследования. На ровном месте возникают трудности, происходит слив важной информации. И мы не контролируем ситуацию, не можем ничего остановить.

– Верно, – я кивнула. – Он подозревал группу людей, конкурентов или бывших сотрудников, партнеров. Врагов у нас хватает.

– Сегодня утро я показал ему ту же самую фотографию, и он не узнал человека на снимке.

– А с чего бы ему... – осекалась и пораженно воскликнула: – Черт, неужели он причастен?

– Именно, – горько усмехнулся Сергей. – Черт.

– Как?! Не понимаю.

– Максим Чертков, кличка «Черт», это он стоит за всем, – продолжил, вновь пододвигая фото ко мне. – Точно его не припоминаете?

– Нет, – выплюнула с отвращением. – Как ему удалось? Сколько лет этому сопляку?

Черт... Проклятье!

Мне двадцать пять, а ему немногим больше. Лет тридцать. И он сумел засадить за решетку моего отца! Человека, который столицу в кулаке держал, который столько дел курировал по всей стране и за границей.

Да как это возможно? Бред полнейший.

– Он наверняка подставной, просто прикрытие, – я отказывалась принять очевидный факт.

– Маловероятно, – уклончиво ответил Сергей. – Но как бы там ни было нам придется иметь с ним дело.

– Что? – я чуть не поперхнулась от возмущения. – В каком смысле?

– Он сделал предложение.

– Ну и? Отец отказал?

– Вашему отцу об этом предложении неизвестно, – ровно проговорил.

– Не успели доложить? Вы же встречались с ним утром.

– Я никогда не посмею доложить ему о таком предложении, – отвернулся.

– В чем дело? Что этот гаденыш потребовал? Миллионы? Миллиард? Он и так нас основательно ободрал, заморозил кучу счетов, отнял особняк. Я живу в своем отеле. Странно, что он еще это не отобрал.

– О деньгах речи не шло.

– Я заинтригована, – презрительно хмыкнула.

– Поверьте, он только начал. Он может захватить все активы. Он не прекратит, а мы его не остановим.

– И самое худшее произошло – отец в тюрьме.

– Боюсь, это не самое худшее.

– А что тогда?

– У него есть информация по вашему брату. Он знает об истории... в университете.

– О выпускном? – я невольно сглотнула.

– Да, – последовало лаконичное подтверждение. – Теперь вы понимаете, о чем я.

– Более чем.

Сергей снова посмотрел на меня, но по-прежнему молчал.

– Да говорите уже! – не выдержала я. – Чего хочет этот ублюдок?

– Вас.

Я сдавленно выдохнула.

– Он сам меня нашел и выдвинул это похабное предложение, – Сергей нервно пожал плечами. – В другой раз я бы врезал ему посильнее, пусть и предпочитаю куда более цивилизованные методы.

– Выходит, он действительно сказал, что...

– Он сказал, что хочет вас. И оставил вот это.

Сергей положил на стол темно-красную карточку. Визитка ночного клуба «Hell Fire». Адское пламя.

– Он сказал, чтобы вы пришли сюда в полночь, – умолк и глухо прибавил: – Если согласны.

– Я не понимаю, – нервно потерла виски. – Столько стараний, вложений. Зачем ему? Ради чего? Слишком много растрат для...

Для секса на одну ночь или как это назвать?

Нереалистично. Глупо. Странно. Затевать сложную, многоходовую комбинацию ради развлечения. Дурацкое объяснение, но ничего лучшего у меня сейчас нет, поэтому придется смириться с текущим положением.

– Я полагал, это нечто личное, – заявил Сергей. – Отвергнутый поклонник или бывший любовник. Здесь явно личные счета.

– Безумие, – отмахнулась я. – Какие личные счета могут быть, если я его совсем не знаю? Я впервые вижу этого подонка.

– Тем не менее, он готов отозвать всех псов и оставить вашего отца в покое, он также не тронет вашего брата, если вы примите правильное решение.

– Правильное?

– Простите, я только передаю его слова.

– Спасибо, Сергей, – криво усмехнулась. – Я подумаю над тем, чтобы переспать с абсолютно незнакомым человеком ради спасения семьи.

– Я не уверен, что у вас есть выбор.

– Даже так?

– Не собираюсь вас пугать, но слухи о Черткове ходят самые разные. Он не из тех, кто готов принять отказ. Если он решил заполучить желаемое, то не изменит свой план.

Я не нашла в себе силы продолжить разговор и поспешила как можно скорее покинуть кабинет Сергея Скворцова, основного адвоката моего отца.

Я двигалась по коридору на автомате, не обращая внимания ни на что. Не помню, как оказалась в лифте, как сумела добраться до собственной машины. Я очнулась от липкого оцепенения только за рулем.

Темно-красная визитка жгла ладонь. Крохотный кусок картона казался позорной печатью.

Неужели я намерена пойти до конца? Продаться?

Да, Чертков невероятно притягательный мужчина. Но это именно он виновен в падении нашей семьи. Это именно он отравлял мою жизнь на протяжении года, а теперь и вовсе вынуждает принять унижительное предложение.

Дурное предчувствие kloкотало в груди.

Я не могла поверить, что мужчина способен разработать схему и методично воплощать ее в жизнь ради власти над женщиной.

Правильно, что не могла.

Все оказалось гораздо хуже.

Глава 2

Когда на тебя несетя гигантская волна, есть только два пути: сдаться, упасть на колени, согнуться под натиском сокрушительной силы или же бороться, сражаться до последнего. Сжать зубы, сжать кулаки. Броситься вперед.

Думаю, не нужно объяснять какую тактику выберу я?

И, конечно, я сейчас не о волне.

В жизни всегда так. Ты либо падаешь и захлебываешься в дерьме, либо выплываешь на поверхность, барахтаешься в надежде на глоток свободы.

Внешность зачастую обманлива.

Я приняла Максима Черткова за жиголо, а он меня за шлюху. Достаточно справедливо. Я не похожа на скромницу. Особенно сейчас.

Внутри раздрай, но это не важно. Главное, в зеркале абсолютное совершенство.

Я улыбаюсь своему отражению, изучаю безупречный макияж. Карие глаза подведены черным. Пушистые ресницы нервно трепещут, отбрасывают мрачные тени на острые, четко выраженные скулы. Пухлые губы накрашены с эффектом омбре – от темного-бордового, винного до кроваво-красного оттенка.

Вызывающе и порочно.

Платье подобрано под стать образу. Алое, шелковое, практически невесомое. Обнажает плечи, едва доходит до середины бедра.

Туфли на шпильках, крохотный клатч.

Остался еще один штрих. «Опасные связи» от Килиан.

«Может стоило прийти к нему одетой лишь в духи?» – мелькает шальная мысль.

Меня охватывает тревога. Интуиция молит остаться в номере, никуда не уходить. Первобытные инстинкты обострены до предела. Несмотря на вечернюю прохладу по спине струится ледяной пот.

Разве я сумею отказаться от возможности спасти отца? Нет, никогда. Я не умею трусливо дрожать и скулить, поджав хвост. Я не дам врагам ни единого шанса для торжества.

Криво усмехаюсь, подмигиваю отражению.

Мне повезло с внешностью. Не нужно что-либо наращивать или закачивать. Нет необходимости наносить тонну косметики, заново рисуя лицо.

Я соответствую канонам современной красоты. Высокая и стройная, украшу любой подиум. Камера любит меня.

Максим Чертков, ты еще не представляешь, с кем связался и кому бросил вызов.

Я не игрушка, не очередная красивая кукла в коллекцию побед. Я заставлю тебя принять мои правила. Я переломлю ход твоей игры.

— — —

Кому придет на ум назвать клуб «Адское пламя»?

Однако людям затея понравилась. Точно беззаботные мотыльки они слетались сюда, толпились у входа в надежде проникнуть в святая святых. Точнее – в самый эпицентр пекла. Забавно, однако нам никогда не приходит в голову, что у рая и ада одинаковые координаты.

Я припарковала авто и оценила огромную очередь. Невольно поморщилась. Меньше всего мне хотелось здесь находиться. Еще и жаться под дверью с кучей других людей. Только выбирать не приходилось.

Я покинула салон и не успела сделать ни шага, как столкнулась с охранником.

– Госпожа Князева, – учтиво поприветствовал он. – Позвольте вас проводить.

Я не стала задавать лишних вопросов, начиная бессмысленный диалог, ограничилась кивком и последовала за мужчиной.

Сотни завистливых взглядов впились в меня. Но в этом не было ничего непривычного. Я давно смирилась с отсутствием настоящих подруг и с навязчивым вниманием парней.

Стоило переступить порог, и я оказалась в иной реальности.

Вспышки огня, светомузыка, танцовщицы извивающиеся на пилонах. Неплохой дизайн, популярная музыка. Аромат кальяна и стойкий запах марихуанны.

Доблестной полиции стоило бы обратить внимание на данное заведение.

Уверена, они обращают.

Когда приходят сюда получать зарплату.

Я отмечаю детали автоматически. Детали могут многое рассказать о владельце этого места. Дьявол в деталях, не так ли?

Меня отводят на третий этаж, в кабинет Черткова, закрывают дверь и оставляют ожидать встречи с основной причиной ночных кошмаров.

Я пытаюсь понять – кто он? Почему вдруг решил разрушить жизнь моей семьи? В чем причина?

Я медленно обхожу комнату, осматриваюсь, замечаю две двери помимо входной, слева и справа, но не тороплюсь их открывать.

Красиво. Лаконично. Ничего лишнего. И ничего личного. Совсем. Никаких фотографий, никаких безделушек. Ничего, что свидетельствовало бы о хобби, об увлечениях.

В каком-то смысле здесь царит полная стерильность. Картинка из журнала про интерьер. Не ощущается присутствия хозяина.

Все те же тона, что везде. Гармоничное слияние красного и черного. Дорогие материалы. Деревянный стол, встроенный зеркальный шкаф, кожаная мебель.

Строгий минимум. Нет ни картин, ни статуэток. Это помещение можно легко оживить. Однако его владелец едва ли жаждет оживления.

Внутри меня нарастает напряжение.

Я усаживаюсь в кресло руководителя, провожу ладонью по закрытому ноутбуку. Я пробую отыскать хоть крупницу личного. Записная книжка. Календарь. Канцелярия. Это тупик.

Я наугад беру ручку, не собираюсь ничего писать, просто...

– Брось, – хриплый голос раздается над ухом, заставляя меня подпрыгнуть.

Горячее дыхание опалает голые плечи.

Черт.

Когда он успел подкрасться? Я не слышала звука отворяемой двери.

– Бросай, – повторяет с нажимом.

Но я лишь сильнее сжимаю ручку. Рефлекторно.

– Быстро же ты освоилась, детка, – заявляет насмешливо.

Он отступает.
Я не оборачиваюсь, считаю его шаги.
Раз, два, три.
Он останавливается напротив и ловит мой взгляд в капкан своих горящих глаз.
Проклятье.
Что это?
Я невольно вздрагиваю снова.
Он отличается от фото. Очень. Очень, очень.
Высокий, под два метра ростом, полностью накрывает меня своей тенью. Крупный, такой шею одним движением свернет и даже не поморщится.
Он без рубашки. В брюках.
У него идеальное тело, которое хочется исследовать тактильно. Наощупь. Немедленно.
И это определенно не то, о чем мне нужно сейчас думать.
– Екатерина Олеговна, – произношу твердо.
– Смешная ты, – улыбается, прибавляет: – Детка.
– Какая пошлость, – брезгливо кривлюсь.
– Простите, ваше высочество, – парирует с издевкой.
И направляется в сторону шкафа, открывает, достает рубашку, набрасывает, небрежно поправляет и застегивает.
А мне хочется взвыть от разочарования.
Я не могу перестать следить за ним. За его руками, за мускулами, что перекатываются под гладкой, слегка загоревшей кожей.
Он не перекачан, просто каждая мышца проработана, прорисовывается невероятный рельеф.
Я схожу с ума.
Почему он не пузатый урод? Не лысеющий старикан? Было бы гораздо проще, не пришлось бы вот так млеть в его присутствии.
Я бы мечтала испытывать отвращение, я стараюсь.
Но выходит с трудом.
Чувствую себя голодной кошкой.
Щелчок замка выводит меня из оцепенения, я оборачиваюсь на звук. Дверь справа открывается. В комнате появляется два охранника.
Щурюсь.
Что они тащат?
Что-то большое и... запакованное в черный пластиковый пакет.
Все происходит слишком быстро.
Чертков никак не реагирует, даже не смотрит в их сторону.
– Не забудьте отправить выходное пособие его жене, – произносит холодно. – Когда я уйду, пришлите кого-нибудь, чтобы отмыть кровь.
– Заметано, шеф, – сообщает один из парней.
Я тупо слежу за ними, открываю и закрываю рот, будто рыба вдруг выброшенная на лед.
Я упираюсь взглядом в захлопнувшую дверь и не могу до конца осознать происходящее.
Это шутка? Розыгрыш? Не похоже.
– Какая-то ты бледная, Катерина Олеговна, – издевательски скалится он, набрасывает пиджак и опять подходит ко мне.
– Занятный спектакль, – выдаю ровно, стараюсь не проявить никаких эмоций.
– Я рад, что угодил.
Саркастический смешок говорит об обратном.
Чертков едва ли намерен мне угождать.

Он берет меня за руку, резко сжимает запястье, заставляя взвыть от боли и выронить проклятую ручку.

– Ты будто осуждаешь меня, Катерина, – хмыкает, издевательски добавляет: – Олеговна.

– Нет, что вы, – парирую в тон ему. – Это вполне нормально – убить человека. А потом приказать слугам избавиться от тела и отмыть кровь. У вас наверняка доброе сердце, ведь не каждый убийца позаботится о вдове своей жертвы.

– У меня и правда доброе сердце. Просто не для всех.

Я замечаю сбитые костяшки его пальцев и ощущаю тошноту. Шумно сглатываю, закрываю глаза.

– Вы омерзительны, – медленно выдыхаю.

Он смеется.

– Слышать такое от тебя особенно забавно.

Он отпускает меня, но не выпускает из виду, сверлит взглядом. Я кожей чувствую, почти физически, как если бы его пальцы касались меня.

– Сколько трупов на счету твоего отца? А за братом сколько числится?

Я понимаю, крыть нечем.

В моей семье нет ни одного праведника. Мы не святые. Наши души черны. Мы насквозь прогнившие, порченные плоды.

Ну и что? А кто бы отказался от денег и власти?

Отец построил империю на чужих костях, но и собственной крови пролил немало. Без усилий ничего не получишь. Все хотят взгромоздиться на трон, да только у большинства кишка тонка.

– Еще рано считать, – цежу сквозь зубы. – Как минимум одного не хватает.

– Это не те слова, которые ждешь от чистой и непорочной девушки.

– Ну извините.

– Сколько у тебя было мужчин?

Я надеюсь, он не заметит мою дрожь. Я вскидываю голову и смотрю прямо на него. Я ничего не говорю, но мой взгляд буквально вопит: «Тысячи! Через мою постель прошли тысячи мужчин. Тебе достанется весьма сомнительный приз. Неужели не брезгуешь? Выгодна ли тебе эта сделка?»

Только ему наплевать.

Ему нужно что-то другое.

Что-то большее.

Не могу понять.

Что?

Он может заполучить в свою постель кого угодно. Он может разложить женщину в любой, самой экзотической позе.

Так в чем причина?

Он не выглядит влюбленным. Это было бы просто смешно. В нем не чувствуется ни страсти, ни даже легкого возбуждения.

Он отличается от всех мужчин, которых я встречала прежде. На него никак не действует моя внешность. В его взгляде нет ни намека на вожделиние. Там, в пугающей глубине таится что-то иное, абсолютное новое.

– Что вам надо от меня? – спрашиваю прямо.

– Ты.

– Зачем?

– Красивая.

Я подозреваю, что он способен на гораздо более развернутый ответ, но не намерен демонстрировать свой интеллект.

– И как мы это оформим? Чего именно вы хотите? На какой срок? Мне необходимы гарантии.

– Гарантии? – его брови насмешливо выгибаются.

– Да, я должна быть уверена, что вы оставите нас в покое.

– Валяй, будут тебе гарантии.

Он подхватывает меня под локоть, поднимает с кресла и тащит к двери, из которой недавно вышли охранники. С трудом успеваю за его размашистыми шагами, почти падаю, но все-таки удерживаюсь на своих каблуках.

Он толкает дверь и проталкивает внутрь комнаты меня.

О Господи, Боже мой.

Я закрываю рот рукой, подавляю рвотный позыв.

– Осторожнее, где-то здесь остались мозги, – спокойно заявляет Чертков. – Но твои мозги на месте. Пока что. Поэтому нечего переживать, да?

Я понимаю, что это ванная. Я понимаю, что кафель когда-то был белым. Белоснежным. Но сейчас все залито кровью.

Сложно поверить, что здесь убили лишь одного человека.

– Вот твои гарантии, мое честное слово и благодушное расположение. Но запомни: я не прощаю предательства. Если надумаешь затеять мятеж, не забывай: голодным псам все равно кого жрать. А мне все равно кого забивать насмерть. Хоть начальника охраны, допустившего серьезный прокол. Хоть Катерину Олеговну. У нас тут демократия.

Я задыхаюсь. Запах крови забивает горло. Я закашливаюсь. Колени слабеют, бедра мелко дрожат. Мои каблуки скользят по влажному кафелю.

– Хватит, – отчаянно пытаюсь не закричать.

– Теперь ты уверена? Со мной можно иметь дело?

– Прошу. Пожалуйста.

– Вот и отлично. Мы еще не начали развлекаться, а ты уже умоляешь прекратить. Очень сообразительная детка. Не зря же у тебя успешный бизнес. Сеть салонов красоты. Отель известный на всю страну.

– У меня больше нет... нет никакой сети.

– Может снова появится. Все зависит от твоей старательности.

– Хватит, прошу.

Мой желудок скручивается в узел.

– Ладно.

Чертков милостиво возвращает меня обратно, усаживает в кресло, открывает бар и наливает что-то в стакан. Протягивает:

– Пей.

Я смотрю на порцию алкоголя как на чашу полную яда.

– Мне нельзя, – лгу. – У меня аллергия.

Тогда он пьет сам. Осушает до дна. И я уже сомневаюсь в правильности своего решения. Мне совсем не хочется, чтобы он напился.

– Как долго... придется расплачиваться?

Он молча наливает новую порцию выпивки.

– Никак не угомонишься, детка.

– Я просто пробую понять.

Он снова пьет до дна и отставляет бутылку.

– Снимай белье, – приказывает коротко.

– Что?

Он не повторяет, наклоняется надо мной, ловко расстегивает бюстгальтер, вытаскивает из-под платья и отбрасывает в сторону. А в следующую секунду поднимает платье, грубо стягивает трусики, разрывает, оставляя красные следы на бедрах.

Я моментально подсакиваю на ноги, заносу руку для удара, намереваюсь вклепить пощечину, но в последний миг замираю.

Включается инстинкт самосохранения.

Чертков не делает ни единой попытки защититься, перехватить мое запястье. Он выжидает. Он хочет, чтобы я его ударила.

Ему нужен только повод.

– Ты удивительная, детка. Учишься, не совершая ошибок.

Он обхватывает меня за талию и усаживает на стол, задирает платье до живота, раздвигает ноги коленом. Все это происходит настолько молниеносно, как будто он совершает только одно движение.

– Говорят, женщин бить нельзя. Но я полагаю, что если женщина размахивает кулаками, она становится мужчиной, и раз так, то нет ничего плохого в том, чтобы преподать ей урок.

Чужие пальцы проникают в меня.

– Я... – вздрагиваю.

– Ты такая мокрая, что даже мне становится стыдно.

Этими же руками он убил человека. Совсем недавно.

Как я могу желать ублюдка, методично уничтожающего мою семью?

– Естественная реакция организма.

– Тебя заводит кровь? Насилие?

Он обхватывает меня за горло и слегка сжимает. Его пальцы проникают еще глубже, касаются еще бесстыднее.

– Мы определенно повеселимся.

– Ты не получишь от меня ничего кроме тела.

– И буду этим вполне удовлетворен.

Он приближает свое лицо вплотную к моему.

– Скажешь мне, где твоя душа, когда я буду трахать тебя.

– Я еще не дала своего согласия, – бросаю глухо.

– Я буду трахать тебя. Хоть с согласием, хоть без. Мы обойдемся без контракта, ведь все предельно просто. Никаких ограничений, никаких табу. Срок? Навсегда. Если хочешь – до гроба.

– Практически предложение руки и сердца, – не удерживаюсь от иронии.

– Я умею быть романтичным.

Конечно.

Я смотрю в его глаза и только теперь понимаю, что они вовсе не черные. Голубые. Холодные, будто стальные. Обжигающие, ледяные.

Но зрачки настолько расширены, что легко ошибиться.

Значит, он все-таки хочет меня. Возбужден? Я не спешу это проверять.

Его пальцы внутри. Ласкают и поглаживают легкими, порхающими движениями, медленно и уверенно. Поразительный контраст. Его же пальцы сжимаются вокруг моего горла. Не причиняют боль, а указывают на место, доступно объясняют кто из нас главный.

Я смотрю в его глаза и ощущаю как все мое тело напрягается, вибрирует, звенит как натянутая тетива.

Наконец я могу прочесть это новое, неизведанное чувство.

Мне прекрасно знакома похоть. Известно обожание и восхищение. Зависть и гнев, все давно опознано, отмечено.

Но здесь... другое.

Здесь ненависть.

Жгучая. Острая. Ранящая. Опасная. Испепеляющая.

За что этот человек ненавидит меня? Настолько сильно. Почему? Мы впервые видимся. Никогда наши пути не пересекались.

Я далеко не у всех вызываю позитивные эмоции, но чтоб вот прямо так. Чем я это заслужила?

Он резко отступает, как будто чувствует, что тайное стало явным, что я случайно проникла в его разум и прочла секретные материалы.

– Я хочу посмотреть, как ты двигаешься. Пойдем.

Я не сопротивляюсь. Соскальзываю со стола, поправляю одежду, на негнущихся ногах следую за ним.

Моя жизнь была сказкой. Я получала все, что пожелаю. Отец исполнял любой каприз. Но сверкающие декорации рухнули в один момент и погребли нас под обломками.

Я ни о чем не жалею, я все это заслужила и я готова расплатиться.

Глава 3

На экране мое лицо. Крупный план. Хорошо, что сегодня на моих губах водостойкая помада. И вообще макияж получился удачный.

Легким кивком головы поправляю волосы. Волнистые локоны развиваются за спиной, струятся и переливаются, пойманные в ловушку ярких неоновых огней.

Я улыбаюсь уголками рта. Подмигиваю. Я выгляжу соблазнительно и несмотря на все, я постараюсь насладиться представлением.

Мне не о чем волноваться.

Я стою у шеста. Или правильнее сказать – у пилона? Я в платье и без белья посреди ночного клуба.

На всех экранах показывают мое лицо. Меня. Но к счастью, в поле моего зрения один дисплей.

Ничего. Зато помада стойкая. Гораздо более стойкая чем я.

Зачем Чертков меня сюда привел? Профессиональная танцовщица мигом освободила место, удалилась подальше, а мне предоставили полную свободу действий.

– Давай, – шепнул он на ухо и шлепнул по заднице.

Ему не нужно напоминать, что на кону жизнь моего отца. Все понятно по умолчанию. Роль у меня не завидная, и я пока не готова бунтовать.

Но все же – зачем? Он хочет унижить меня? Хочет чтобы я почувствовала себя полной дурой?

Ответ дает новый трек. Вернее, совсем не новый. Популярный лет десять назад, звучал на каждом танцполе и...

Десять лет назад.

Выпускной.

Он знает, что сделал мой брат. Так сказал Скворцов. Он знает, что сделала я.

По спине крадется холод, меня знобит.

Но откуда такие детали? Вплоть до музыки? Совпадение?

Эту композицию я не забуду никогда. Восточные ноты, приятный женский вокал. Жесткий ритм.

И кем он себя возомнил? Судьей? Палачом?

Он хочет шоу? Он его получит.

Я не лезу на шест, я не делаю крутки, я не демонстрирую чудеса акробатики, я не хвастаюсь растяжкой.

Я просто начинаю танцевать вокруг пилона. Я двигаюсь так, что все взгляды очень скоро оказываются прикованы ко мне. Я извиваюсь и выгибаюсь. Мои ладони скользят по сверкающему шесту. Многообещающе. Мои волосы танцуют вместе со мной, повторяют крутые повороты бедер.

Я люблю это. Внимание. Я наркоманка, я сижу на игле жадных, раздевающих взглядов. Я питаюсь восхищением и завистью. Я кайфую и улетаю, парю в эйфории.

Алое платье. Голые плечи, голые бедра.

Я знаю, что сколько бы мужчины не вели разговоры о духовной близости, каждый хочет красавицу в свою постель. Лучшую. Королеву. Просто не все могут себе это позволить.

Тут как с машиной.

Кто бы стал ездить на «Жигулях», будь у него возможность оседлать «Феррари»?

Я выписываю бедрами такие зигзаги, что у наблюдателей кружится голова. Я вхожу во вкус, я получаю настоящее удовольствие.

Жить в этом образе легко и приятно.

Я не желаю возвращаться обратно в реальность.

Холодная стерва. Наглая и беспринципная. Вот кто я этой ночью. Все хотят завладеть мной, но никому ничего не светит.

У меня уже есть хозяин.

Да, милый?

Я поворачиваюсь к Черту спиной, плавно наклоняюсь и резко выпрямляюсь. Копна темных волос взлетает в воздух.

Подозреваю он бы с огромным наслаждением размазал меня прямо по полу. Избил бы до смерти, переломал все кости и заставил захлебнуться кровью.

Возможно, моя заветная мечта сбылась?

Я наконец нашла то, что убьет меня.

Памятный трек сменяется другим, вполне обычным. И я покидаю сцену.

– Какие планы на вечер? – неизвестный тип нарываясь на неприятности.

– Никаких, – усмехаюсь.

– Тогда по коктейлю?

Чертков возникает между нами.

– Сгинь, – заявляет коротко, и парень сливается.

– Все? – кривлюсь. – Даже не убьешь никого? Теперь достанется только мне?

– А тебе не терпится?

Он притягивает меня к себе, впечатывает бедра в бедра, и я ощущаю как гигантский ком формируется в моем горле.

Какой огромный. Не только ком. Он.

Я смотрю на него. Снизу вверх. Иначе не выходит. Он выше меня головы на две. Моя голова покоится на его груди.

Я схожу с ума. Я хочу, чтобы он меня поцеловал. Я изнываю от этого дикого и странного желания.

Я как будто прикасаюсь к тьме. К Дьяволу.

– Шальная ты, – говорит он.

– Бешеная.

Он уводит меня в какую-то вип-кабину. Вероятно здесь стриптизерши танцуют для гостей на коленях. Стены кажутся прозрачными, стеклянными. Но на самом деле только изнутри все видно, а снаружи ничего. В потолке горит множество крохотных лампочек, мерцают и мигают так часто-часто, что у меня начинает кружиться голова. Вокруг привычные оттенки красного и черного. Темные кожаные диваны, бордовые ковры.

Тут отличная звукоизоляция, тишина и ни души, а за стеной царит веселье. Публика зажигает по полной программе. Мой незадачливый ухажер клеится к другой.

– Я хочу выпить, – медлю. – Гранатовый сок, пожалуйста.

Чертков вызывает официанта и через секунд тридцать мой заказ красуется на столе. Я выпиваю напиток до дна, крупными глотками.

Мы опять остаемся вдвоем. Я сижу, он стоит напротив.

– Скажи, ты действительно считаешь, что имеешь право наказывать меня? – все же решаюсь. – Ты ведь не знаешь ничего, ты понятия не имеешь о том, что там произошло. И какая тебе разница?

Его ладонь ложится на мою макушку, заставляет запрокинуть голову.

– Знаешь, на что похож твой рот?

– Не переводи...

– На п...зду. Но это выглядит красиво. Интересно покрашено.

Он поглаживает меня по щеке.

– Ты не собираешься говорить? – игнорирую грубость.

– С тобой – нет.

– Недостаточно умна?

– Твой ум слабо волнует.

Он собирает мои волосы в хвост.

– Возьми у меня, – продолжает глухо.

– Что?

Криво усмехается.

– Возьми у меня в рот, – поясняет практически по слогам.

Я задыхаюсь от возмущения.

Нет, подобные предложения поступали и прежде. Мне много чего предлагали. Но не в таком тоне, не так.

Я хочу запротестовать, выдать ядовитое замечание, но рука на моем затылке будто тяжелеет, тянет волосы назад, вынуждая до боли выгнуть шею.

Если не сделаю по-хорошему, то будет по-плохому.

Я пытаюсь отключиться и действовать механически, не оценивать происходящее. Я беру за пояс на его брюках и соприкасаюсь с горячей гладкой кожей. Обжигающая волна обрушивается на меня, а мозг точно ватный. Я забываю что к чему, ничего не соображаю, иду на поводу природного инстинкта.

Мои ладони скользят по враз напрягшемуся животу Черткова. Вверх, изучая идеально вылепленный пресс. А потом вниз, к узкой дорожке темных волос.

Я слегка приподнимаю его рубашку и как замороженная смотрю на стальные мышцы, на вздувшиеся вены.

Интересно... а какой он там? Чуть дальше.

Я расстегиваю его брюки, опускаю ткань, извлекаю вздыбленный член. Я прикасаюсь к нему очень осторожно и неуверенно.

– Крепче, – следует хриплый приказ. – Сожми крепче.

Я в тумане.

Я не чувствую ни малейшего отвращения.

Какой же он красивый. Везде. И здесь тоже. Особенно здесь. Длинный, крупный, мощный. Ровный, идеальный. С большой головкой, на которой виднеется капля смазки.

Я подаюсь вперед и касаюсь его сомкнутыми губами. Отстраняюсь и облизываюсь, смотрю вверх, в потемневшие глаза Черткова.

– Такой огромный, – бормочу надтреснутым голосом. – Не поместиться.

– Смелее, детка. Ты же не первый раз сосешь.

В первый.

Но ему об этом знать необязательно.

Я опять касаюсь его члена, ласкаю языком набухшие вены. Я ощущаю его пульсацию внутри себя. В нижней части живота растет огненный клубок. Все быстрее и сильнее, по нарастающей.

Мы будто настроены на одну радиостанцию.

Безумие, однако наша кровь бьется в едином ритме.

Я пытаюсь убедить себя, что это сеанс терапии. Я способна оправдать все, что угодно. Если действительно хочу.

Алкоголь. Доза. Не важно.

– Бери глубже, – отрывисто заявляет Чертков. – Хватит баловства. Заглатывай.

Я невольно замираю, отклоняюсь от него.

– Тебе не нравится? – задаю совершенно идиотский вопрос.

И он срывается.

Это похоже на взрыв, на шторм, сметающий все на своем пути, разбивающий в щепки любые препятствия.

Он надавливает на скулы, заставляя широко открыть рот и вбивается внутрь резким толчком, упирается в самую глотку, заполняет без остатка.

Я задыхаюсь, только даже не пробую вырваться.

Он трахает меня в рваном ритме, совсем не церемонится. Как животное. Удовлетворяет низменную потребность, желая лишь спустить сперму. А потом грубо отталкивает.

– Самый дрянной минет в моей жизни, – бросает с издевкой.

– Никто не жаловался, – отвечаю холодно.

– Кончали от счастья, что ты им дала?

– Кончали от мыслей обо мне.

– Как поэтично, – ухмыляется.

– Ну тебе этого не понять.

– Полагаешь, у меня недостаточно тонкая душевная организация?

– Дикие звери проявляют больше нежности при случке, – стараюсь вложить в данную фразу все возможное презрение.

– А ты не думала, что все зависит от того, кого я трахаю? – похлопывает по щеке. – С одними тянет проявить нежность, а других можно только еб...ть. Любопытно, к какой категории относишься ты?

– К той, которая бы никогда добровольно под тебя не легла!

– Рот открой.

Сдавливает подбородок так, что я взываю.

Его пальцы ложатся на язык, пробираются глубже, давят, вызывая рвотный позыв. Я дергаюсь, сгибаюсь, стараясь увернуться.

– Соси давай.

Я подчиняюсь автоматически.

Мой ум не задействован. Только голая похоть.

Я ощущаю странную одержимость. Я будто прикована к этому человеку невидимой цепью.

– Активнее. Обхватывай плотнее.

Мои бедра сжимаются. Порочно, ритмично.

– Уже потекла? – насмешливо спрашивает Чертков.

И я ощущаю как влажно становится между ног.

Черт.

Я кусаю его и отталкиваю.

– Мудак!

– А куда делась Катерина Олеговна? – посмеивается, а потом бьет меня по щеке, наотмашь, но не сильно, просто приводит в сознание.

– Ты... ты...

– Я? Я? Что? – передразнивает.

Бьет снова и снова.

Мои щеки горят от его пощечин.

Пытаюсь подняться с дивана, но он толкает меня обратно. Накрывает губы ладонью, сминая безжалостно. Размазывает помаду по лицу.

– А тебе идет, – ухмыляется.

– Представляешь, что это кровь?

– Да, – скалится. – И х*й твердеет, хоть камни обтесывай.

– Быдлю.

– В задницу ты также паршиво трахаешься?

– Я не трахаюсь в задницу.

– Так ты практически девственница.

Он сжимает мою грудь, и я не в силах сдержать стон.

– Ничего.

Его руки опускаются ниже, по талии, по животу, перемещаются на спину, а потом жестоко сминают ягодицы.

– Ты распробуешь и войдешь во вкус, будешь подмахивать и просить добавки, – обдает жарким шепотом. – Ты же горячая, дашь фору любой шалаве.

– Я не стану...

– Я же чувствую насколько ты мокрая. Все платье насквозь.

Его пальцы забираются под смятую ткань, по-хозяйски проникают внутрь, заполняют истекающее возбуждением лоно.

Не могу сражаться, не способна сопротивляться. На меня накатывают болезненные и сладостные спазмы. Я кончаю с протяжным, жалобным всхлипом.

Он подхватывает меня и усаживает на спинку дивана. Она широкая, там полно места. А позади тонкое звуконепроницаемое стекло. Сотни извивающихся на танцполе тел, трек сменяет трек, оглушительно гремит музыка.

А у нас тихо. Играет только собственная мелодия – бой бурлящей в жилах крови, стоны и рычание. Немая схватка разгоряченных тел.

Треск ткани, несколько резких движений. Платье легонько соскальзывает. Куда-то далеко, на пол.

Зато туфли держатся крепко.

Я успеваю лишь вдохнуть и выдохнуть. Опомниться не успеваю. Мои ноги оказываются раздвинуты, брошены на плечи Черткова.

Я застываю в ожидании чудовищной боли. Зажмурившись, закусываю губу до крови, напрягаюсь.

Меня трясет. Только напрасно.

Ничего не происходит. Точнее происходит очень много.

Он овладевает мною. Входит грубо и резко, сразу на всю длину. Не делает никакой паузы, двигается мощными и жесткими толчками. Трахает размеренно, упивается процессом, наслаждается.

А не чувствую боли.

Почему? Ведь обычно все совсем иначе и...

– Жаль, что никто не видит, – шепчет прямо в губы, но не целует.

– Чего?

– То, как ты извиваешься подо мной.

Он отстраняется и покидает меня.

– Пожалуйста, – тянусь за ним, хватаю за полы рубашки.

– Не спеши.

Сжимает мои бедра, подтягивает ближе и переворачивает на живот. Ударяюсь о диван, но не замечаю никаких неприятных ощущений.

– Пожалуйста, – хнычу, выгибаю спину.

– Даже самую норовистую кобылу можно объездить, – смачно шлепает по заду.

Кричу.

Он трется вздыбленным членом о мои бедра.

– Скажи, куда тебя трахнуть?

– Туда, – льну к нему лоном.

– Я не понимаю, – поглаживает ягодицы, щипает. – В задницу или в п...зду?

– Ты знаешь.

– Я хочу услышать от тебя.

Утыкаюсь лбом в обивку дивана.

– В п...зду.

Он смеется и берет меня так, как я прошу.

Горячий твердый член движется точно металлический поршень. Имеет медленно и уверенно, со вкусом.

Я содрогаюсь и скулю. Я чувствую себя так, будто вкалываю героин прямо в вену, или напиваюсь до алкогольных галлюцинаций.

Поверьте, это не метафора. Я прекрасно сознаю о чем говорю.

Я целиком и полностью теряю контроль.

Черт владеет мной. Вбивается внутрь, таранит гигантским членом. Унижает, уничтожает. Обращает в дрожащий и безвольный сгусток плоти.

Черт обдаёт раскаленным дыханием мой затылок. Сжимает грудь, выкручивает соски так, что останутся синяки.

Черт тащит меня прямо в ад и не встречает никакого сопротивления.

Мой последний секс был десять лет назад. Оправдывает ли это постыдную капитуляцию? Вряд ли.

– И где сейчас твоя душа? – саркастично интересуется Чертков, вдалбливаясь вглубь с новой силой. – Там, где орудует мой член?

Я не чиста и не невинна. Никогда такой не была. Наверное. Или попросту забыла о тех временах.

Но мне кажется, моя душа там, где ОН.

Проклятый Максим Чертков.

Глава 4

Говорят, ненависть разрушает, уничтожает изнутри, опустошает, оставляет за собой лишь выжженную пустыню.

Но для меня ненависть – лучший мотиватор.

Все, чего я добился, было основано на этом жгучем и всепоглощающем чувстве. На ярости и злобе. На безудержном желании отомстить, расплатиться по счетам раз и навсегда.

Сейчас в это трудно поверить, но раньше я был слабаком. Когда-то давно, в другой жизни. Я сутками напролет изучал разные книги, торчал перед экраном компьютера, готовился поступать в престижный университет. Я стеснялся девушек и краснел как полный кретин. Общался

только с матерью и братом, друзей не заводил. Я мечтал заниматься любимым делом, построить карьеру.

Рядовой задрот. Если бы я встретил прежнего себя сегодня, набил бы ему морду за попытку слить все мои перспективы в унитаз.

Я должен благодарить семейство Князевых.

За толчок. За удар под дых. За то, что они помогли хилому пареньку встать на путь истинный, открыли глаза на реальное положение вещей.

Они вложили в мою руку нож. И я не мог не сжать его изо всех сил.

Я понял, кто побеждает. Кто правит балом.

В один чудесный день я бросил учебу и занялся тем единственным, что действительно приносит пользу.

Я не заключал контракт с Дьяволом. Я им стал.

И реальность заиграла новыми красками, оказалась простой и понятной. Никаких душевных конфликтов, никаких метаний и терзаний, никаких угрызений совести.

Наконец я вдохнул полной грудью. Я освободился, сбросил оковы. Для меня не существовало «хорошего» и «плохого», только собственная выгода.

Шаг за шагом я приближался к своей главной цели, разрабатывал план, реализовывал его по пунктам. Медленно и методично. Четко, по нотам. Помогал аналитический склад ума.

Я пробивал дорогу. Ломал кости. Свои и чужие. Я убивал людей голыми руками. Но мне никогда не снились кошмары. Про них – никогда.

Я получил много приятных бонусов. Деньги. И все, что на них можно купить. Женщин. Разных, под любое настроение.

Я нажил огромное количество врагов. Но никто меня не предавал, ведь я изначально никому не доверял.

Хотя... где же те, кто пытался нагреть меня? Обставить, подставить, смешать с дерьмом.

Ха, они давно в могиле.

Я не даю второй шанс. Для большинства и первый явно будет лишним.

Есть только один способ закрепить авторитет – насилие. И это работает везде. Не ограничено криминалом.

Знаете, сколько ночей подряд я закрывал глаза и представлял, как разрываю на части Екатерину Олеговну Князеву? В буквальном смысле. Не трахаю. Убиваю.

Я ненавидел ее отца. Я ненавидел ее брата.

А к ней я испытывал нечто совершенно иного порядка. Гораздо более сильное. Одержимое.

Я смотрел на ее фотографии, и мои пальцы автоматически сжимались в кулаки. Я хотел загнать ее в угол, затравить и наслаждаться агонией.

Она стала моей навязчивой идеей.

Красивая. Ядовитая. Ледяная. Колючий взгляд и рот будто отравленный цветок. Хищное лицо, гибкое тело.

Я собирался разрушить ее империю, засадить отца и брата в тюрьму до конца дней. Пусть гниют. А она сама пусть опускается на самое дно и подыхает в нищете.

Но что-то пошло не так.

— — —

– Могу я узнать, что произойдет с Катей? – спрашивает Скворцов.

Он продал мне кучу компромата на Князева-старшего, а теперь переживает о его дочке. Какая трогательная забота.

– Ничего, – усмехаюсь и добавляю: – Если этой ночью она придет в мой клуб.

– Она очень гордая и... – он запинается. – Даже не уверен, сумею ли уговорить.

– Ну постарайтесь. Хотя лично мне наплевать какую шлюху драть этой ночью.

Ему не стоит знать, насколько я заинтересован.

– Вы же обещали, что не тронете ее, – не понимается. – Но сначала отобрали у нее сеть салонов красоты, а теперь вот...

Удар в живот быстро затыкает Скворцова.

– Не переживай ты так, – ободряюще хлопаю его по плечу и снова бью. – Я поймею ее, а когда надоест передам тебе. Я не жадный.

Я не уточняю в каком именно виде передам. Живой или мертвой.

– Проваливай, – заботливо отправляю адвоката на выход.

Сколько ему лет? Сорок? Вроде умный и опытный, а канючит как ребенок.

Я отнял у Князевой все, к чему приложил руку ее отец. Я оставил ей только отель. Ее собственное детище. Терять подобное особенно неприятно. Я решил оттянуть момент истины.

Она сама виновата.

Проклятая стерва.

Я собирался остаться в тени, не показываться ни при каких условиях, не открывать карты. Я оказался бы для нее карающей дланью судьбы, злым роком, чем-то мистическим и полу реальным.

Но она слишком сильно искушала. Она провоцировала меня. Распаляла любопытство.

Не просто избалованная девчонка. Бизнес-леди. Она действительно работала, не играла роль, а принимала участие в делах.

Я следил за ее успехами, надеялся, что она добьется большего, заберется повыше. Пусть падать будет больнее.

Я добывал абсолютно всю информацию о ней. По крупицам. Где отдыхала, с кем встречалась. Я постоянно был рядом, однако она ни о чем не догадывалась.

Она даже не знала меня, не подозревала о моем существовании.

Ей приписывали романы с самыми разными мужчинами, но реальных доказательств мои люди не обнаружили.

Я бы хотел, чтобы она любила кого-то. До безумия. Тогда я бы смог уничтожить еще одного близкого ей человека.

Но она не любила.

Холодная. Безразличная.

Ее заботила лишь семья. Очень предсказуемо и скучно.

Кое-что выглядело подозрительно. Я не нашел ничего об одном из периодов ее жизни. Целых полтора года информационной пустоты. Ходили слухи, будто Князева лечилась в заграничной клинике от наркозависимости. Но подтверждений не было.

Она не покидала страну. Местные клиники не посещала.

Я не верил в ее проблемы с наркотиками. Она чересчур равнодушна, чтобы страдать от зависимости. Здесь скрывалось другое. Возможно, если бы я понял, смог бы нанести удар побольнее.

Я сорвался.

Я не планировал убивать.

Не планировал убивать так.

Я посмотрел на свои руки. Потом на проломленный череп.

Мозги начальника моей охраны плохо вписывались в дизайн ванной комнаты. Его кровь не многим лучше смотрелась на прежде белом кафеле.

Я избавился от грязной одежды и направился в душ.

Я не собирался шокировать Князеву, появившись перед ней в подобном виде. Я же воспитанный человек.

Правда в итоге я шокировал ее куда больше.

Как она тряслась при виде остаточных явлений моей ярости.

Катерина Олеговна.

Охр...неть.

Кто бы посмел мне такое зарядить?

А еще она текла.

Хотя я меньше всего на свете хотел доставить ей удовольствие.

– Естественная реакция организма, – мямлит она, задыхаясь от возбуждения.

И теперь я совсем не уверен в ее фригидности.

Наощупь она такая... затягивает.

Мягкая. Нежная. Бархатная.

Мои виски сдавливают от напряжения, челюсти сводит ломота.

Я не способен мыслить трезво. Мне просто хочется ощутить эту горячую пульсирующую плоть вокруг себя. Вокруг члена.

Я выигрываю время, заставляя Князеву танцевать у шеста. Уже в процессе я понимаю насколько дебильна эта идея.

Катерина Олеговна всегда на высоте.

Пора бы привыкнуть.

Я так долго ее изучал, так много рассчитывал и выяснял. А теперь оказался в тупике, разрываясь между желанием оттрахать ее до полусмерти и пониманием того, что это абсолютно неприемлемо.

– Даже никого не убьешь? – она бросает вызов. – Теперь достанется только мне?

Я прижимаю ее крепче.

Это происходит инстинктивно.

Уступить желанию – слабость. А не уступить – безумие.

Мне стоило выпроводить ее из кабинета. Вышвырнуть из клуба. Вышвырнуть из своей головы. Мне стоило вообще не начинать эту историю, довести план до логического завершения, не появляясь на сцене.

Возмездие свершится, расклад предрешен.

Тогда почему я сжимаю эти дерзкие голые плечи?

Она пахнет как первородный грех.

Развратная, порочная.

Шлюха чертова.

Чертова.

Моя.

Я дико хочу разрушить ее. Но она вросла так глубоко. Я и сам не заметил, как сильно пропитался ею.

Она выглядит как королева.

Даже стоя на коленях.

Растрепанная, униженная.

Помада размазана по лицу. Слезы. Сопли. Слюни. Ничего ее не портит.

Пусть сосет паскудно, но мне хоть как – в кайф.

Когда я трахаю ее, ощущение такое будто трахаю собственную судьбу. Нагибаю и вставляю. Жестко, резко, без формальностей.

Я так привык.

Я так живу.

Она дрожит подо мной. Содрогается раз за разом. Точно бешеная. Дикая, голодная кошка. Она извивается и бьется, стонет будто раненое животное.

Я вбиваюсь еще глубже.

Я утыкаюсь лбом в ее макушку.

Я не могу перестать вдыхать этот аромат. Мерзкий запах, от которого окончательно теряю контроль и дурею.

Я проклиная себя.

Но я дышу ею.

Я не помню, чтобы когда-то было иначе. Я думал о ней практически двадцать четыре часа в сутки. Ненависть удивительно сближает.

Ну что же...

Я запрю нас в клетке и выброшу ключ. Я не стану сожалеть. Я достаточно повидал на своем веку. Я уничтожу проклятую суку. И себя вместе с ней.

– Черт, – хрипло произносит она. – Пожалуйста.

Я совершаю очередной толчок.

– Черт, – повторяет она, срывающимся голосом выдает: – Я хочу... хочу видеть твои глаза.

Зачем?

– П-пож... пожалуйста.

Нужно было трахнуть ее в зад, тогда бы ей было не до всей этой романтичной хр... нотени.

Я толкаюсь внутрь еще несколько раз.

Она лишь тихонько постанывает.

Я кончаю и сминая ее грудь. Пусть привыкает к боли. Ко всему этому. Нам не светит ничего хорошего. Только кровавый ад.

Я отстраняюсь, не удержавшись от соблазна опять шлепнуть ладонью по этой вызывающе вздернутой заднице.

Я представляю какая она тугая внутри. Жаркая, тесная. Член моментально отзывается, но мне приходится обуздать себя.

Нельзя погрязать в этом дурмане.

Не так быстро.

– Собирайся, – сообщаю, застегивая брюки.

– Куда? – спрашивает Князева.

Она едва шевелиться, сползает ниже на диван.

– Домой.

Я бросаю ей пачку салфеток.

– Я не выйду в таком виде.

– Почему? Выглядишь отлично. Как сучка после случки.

Снимаю пиджак, подаю ей.

– Наденешь и порядок.

– Мне надо умыться.

– Используй салфетки.

– Они же сухие. Ничего не смоеся.

Ладно.

Я беру бутылку воды, открываю и обливаю Катерину Олеговну.

– Теперь лучше?

Она отряхивается. Смешно. Как котенок. Мелкий, дворовой. На породистого не похожа. Глаза горят, губы дергаются. Сейчас зашипит.

Но нет.

– Спасибо, – выдыхает так, что грудь поднимается.

Вот же дрянь.

Ее соски выделяются из-под влажной ткани. Не могу отвести взгляда от развратного зрелища. Я будто опять ощущаю ее грудь под своими пальцами.

Она набрасывает мой пиджак, запахивает плотнее, скрывает все. Долго трет лицо салфетками, затем говорит:

– Ты сказал, мы едем домой. Домой – это куда?

– Увидишь.

Я беру ее под локоть и веду за собой.

– Моя машина останется здесь?

Она никак не уймется.

– Назови адрес, я поеду следом.

Неугомонная.

– Я не убегу.

Еще бы.

– Я не нарушу свое слово и... скажи, когда ты освободишь моего отца?

– Разве я его держу? – дарю ей ответ.

– Ты понимаешь о чем я.

– Не припоминаю, чтобы обещал помощь подобного рода.

– Но Скворцов... ты что не собираешься помочь? После всего? После...

Она явно шокирована.

Ничего, пройдет.

Я ухмыляюсь и заталкиваю ее на переднее сиденье.

Не стоит разрушать все мечты сразу.

Уговорила, детка. Подарю тебе надежду.

– Все зависит от твоего поведения, – завожу мотор. – Будешь отработывать затейливо и с душой, я подумаю, как помочь. Ясно?

Она смотрит на меня так, точно я ее ударил, врезал до звона в ушах.

Пускай.

Я выезжаю из гаража на трасу.

Мы едем по ночному городу, и я стараюсь вправить мозги самому себе. Я пытаюсь поразмыслить о делах, которые предстоит закончить. Хочется верить я способен на большее, чем изнывать по траху с женщиной, которую ненавижу и презираю.

Но я недооцениваю врага.

Князева вдруг льнет ко мне, трется грудью о плечо, окутывает своим запахом. Ее ладонь уверенно ложится на ремень моих брюк, расстегивает.

Это месть. Но я не возражаю против такого способа отмщения.

Сильнее сжимаю руль.

Ее губы плотно обхватывают мой член, стараются захватить глубже, полностью погрузить в горячий влажный рот. Пальцы смыкаются вокруг ствола, сдавливают.

Одной рукой я продолжаю вести авто, а второй одобритительно поглаживаю затылок моей неожиданно покорной жертвы.

– Мне нравится твое рвение, детка. Продолжай в том же духе. Я хочу, чтобы твой рот оказывался рядом всякий раз, когда мне захочется спустить.

Она дергается, а я не позволяю отстраниться. Держу, не даю вырваться.

Я представляю как ее глаза наполняются слезами и моментально кончаю. Семя выплескивается мощными толчками.

Она давится, хрипит, но глотает. Ей больше ничего не остается, только подчиниться.

– Вкусно? – спрашиваю с насмешкой.

Она вытирает губы тыльной стороной ладони.

– Отвратительно.

– Привыкай.

Я знаю, что она лжет. Ей нравится наша маленькая игра. И не хуже меня она понимает – ни к чему хорошему это не приведет.

Глава 5

Если бы вам оставалось жить двадцать четыре часа, на что бы вы их потратили? Провели бы время в кругу семьи, простились бы с друзьями, постарались бы сказать близким важные слова? А может вы бы ушли в загул, напились бы до бесчувственного состояния, закатали бы пир на весь мир? Узнали бы новые грехи? Постарались бы исправить ошибки прошлого?

Я знаю, что буду делать.

С точностью до мелочей.

Я буду держать Максима Черткова. За руку или за член. Возможно, за горло. А, возможно, за все вышеперечисленное по очереди.

Я буду ощущать, как бьется кровь под его гладкой упругой кожей. И больше мне ничего на свете не нужно.

Я не понимаю, не могу объяснить. Но он близок мне. Подонок, ублюдок, скотина. Мразь последняя. И все-таки именно он посылает по моему телу электрический ток. Разряд за разрядом.

Он не дает мне погибнуть от собственного холода.

Жила ли я прежде? Не уверена.

Я стараюсь отвлечься от размышлений, переключаюсь и отмечаю детали. Наконец на горизонте возникает хоть немного личного. Например, личное авто.

«Тойота Ленд Крузер». Мрачная и огромная. Черная, вычищенная до блеска.

Чертков не желает выставлять на показ свое благосостояние, не хвастает навороченной спортивной тачкой. В отличие от многих людей его круга. Хотя мог бы заказать любую модель в самом невероятном цвете.

У него дорогая одежда и часы «Улисс Нардан», смартфон последней модели. Но все это выглядит умеренно и лаконично, будто само собой разумеющееся.

Он предпочитает комфорт, не пытается выделиться и пустить пыль в глаза. Он не нуждается в дополнительных показателях успешности. Он заходит в комнату и окружающие невольно сгибаются, отступают, освобождая территорию.

Он Альфа. Во всей красе.

Трудная мишень.

Он не включает радио, не включает свою собственную музыку. Мы несемся по ночному городу в полной тишине. Если только не считать оглушительные толчки крови в моих висках.

Что он слушает? Что ему нравится?

Я понятия не имею, а вот он знает меня гораздо лучше, чем хочет показать. Он знает про ту композицию. Про выпускной.

Сила ли это? Слабость ли?

Я пока не могу разгадать.

— — —

Квартира Черткова находится в элитной многоэтажной новостройке. Здесь успели все выкупить еще на стадии планирования. Жилье для избранных, для тех, кто привык купаться в роскоши.

Я делаю немой комплимент интерьеру. Никаких излишеств, ничего кричащего. Ни золота, ни серебра. Строгие и четкие линии, абсолютная лаконичность, минимализм. Черные и серые цвета, отовсюду веет холодом, но мне это по вкусу.

Осматриваюсь по сторонам и замечаю лестницу, ведущую на второй уровень.

— Никогда не поднимайся наверх, — ледяным тоном произносит Чертков, уловив направление моего взгляда.

— Я бы вообще предпочла убраться отсюда, — презрительно усмехаюсь. — Тут как в могиле.

— Может быть, — его губы дергаются и замирают в жутком подобии улыбки. — Может быть, это место действительно станет твоей могилой.

Я не могу скрыть дрожь. Я отступаю на несколько шагов назад и упираюсь в стену, чувствую что-то странное, оборачиваюсь. Непонятные крепления. Небольшого размера, достаточно широкие, массивные, в форме полуколец. Их штук двадцать, не меньше. Поднимаю голову выше и вижу несколько стальных труб, расположенных параллельно полу. На противоположной стене маячат те же самые крепления.

— Для упражнений, — поясняет Чертков. — Нужно держать себя в форме.

Он расстегивает рубашку, закатывает рукава.

Я облизываю губы как будто передо мной появляется самый вкусный в мире десерт. Я стою и не могу отвернуться, не могу отвести взгляд от мощного мужского тела.

Он легко отрывается от земли, совершая прыжок. Точно огромный хищный зверь. Обхватывает сталь и подтягивается. Снова и снова, без видимых усилий, совсем не напрягается.

Мышцы перекачиваются под взмокшей кожей, вены набухают.

Он двигается как машина. Создан из железа. И вместо сердца у него просто кусок метала. Или нет?

Я сглатываю и даже не борюсь с желанием, с безумной потребностью ощутить всю эту тяжесть на себе.

Я выхожу в центр комнаты. Снимаю пиджак, сдираю платье и усаживаюсь на широкий стол, подтягиваю колени к груди.

Чертков невозмутим, его не смущает мой спонтанный стриптиз. Он завершает тренировку, когда считает нужным.

Я не успеваю замерзнуть, ведь внутри бушует пламя.

А он идет вперед, приближается вплотную, резко наклоняется, вынуждая отшатнуться, ставит руки по обе стороны от меня.

— Что такое, детка? — обдает горячим дыханием. — Совсем не могу?

— Да! Грех не воспользоваться таким экземпляром.

Упираюсь коленом в его пах, ощущаю, как растет внушительный бугор.

— Твой член всегда к моим услугам.

Это вызов.

Но Чертков играет только на своих собственных условиях. Он хватает меня за волосы и грубо стаскивает со стола, тащит куда-то, в другую комнату, толкает в темноту.

– Ты считаешь, что попала в сказку? – рычит мне на ухо.

– А разве нет? – издевательски хихикаю. – Разве это не наша маленькая извращенная сказка?

Его пальцы разжимаются, и без поддержки я падаю на пол.

– Посмотрим, на сколько тебя хватит, – заявляет хмуро. – Даже интересно.

Он не включает свет, я шарю руками вокруг, пытаюсь подняться, а крупная ладонь приземляется на мою макушку.

– Смирно! Куда собралась?

Я постепенно привыкаю ко мраку вокруг, но привыкнуть ползать у него в ногах никак не могу. Яростно дергаюсь.

– Теперь ты мне нравишься гораздо больше.

– Влюбился?

Он не двигается и ничего не говорит, только впечатление страшное, жуткое, давящее. Моя кожа леденеет, а тело сотрясает дрожь.

Мне кажется, сейчас он хочет меня ударить. Забить до смерти. Ногами.

Что же мешает?

– Может тебе плевать на отца и на несколько пожизненных сроков, которые он обязательно получит после суда. Может и судьба брата особо не волнует.

Чертков рывком заставляет подняться, сдавливает предплечье, вырывая из горла крик боли.

– Но неужели ты и о самой себе не переживаешь?

– Мои переживания на что-то повлияют? – выдыхаю сдавленно.

– Хочешь сдохнуть?

– А почему нет?

– Знаешь, смерть бывает очень разной.

Он наклоняется, прижимается губами к моему горлу.

Это не поцелуй.

Он просто ловит мой пульс.

– Когда мне надоест тебя трахать, когда я вдоволь с тобой позабавлюсь, я передам трофей дальше, своим людям, пушу на круг, – продолжает ленивым тоном, словно сообщает сводку погоды. – Они ребята неприятельные, но с фантазией. Найдут применение всем твоим талантам и откроют новые. А я буду наблюдать. Наверное, пожалею о том, что не могу к ним присоединиться. Я не командный игрок.

– Ты не сделаешь этого.

– Правда?

На самом деле, я не знаю.

Я молчу.

И он молчит. Потом отпускает меня, разворачивается и уходит, запирая дверь на ключ. А я еще долго стою в темноте, обнимаю себя руками, мелко дрожу.

Я не на дне, но до поверхности далеко. Куда же мне? Наверх или вниз, глубоко.

Я стараюсь избавиться от непонятного оцепенения, ищу выключатель. Когда комната озаряется ярким светом, становится легче. Призраки прошлого отступают, рассеиваются. Я осматриваюсь и понимаю, что все не так плохо. Довольно приятная обстановка, мягкие серые тона. Окна плотно зашторены, посередине стоит огромная кровать. Мебели мало, только самое необходимое: шкаф, трюмо, пара стульев. Здесь просторно, практически уютно. Я замечаю еще одну дверь и спешу ее открыть. Ванная комната. Достаточно скромная. Душевая кабина, раковина, унитаз.

Я поворачиваю кран и пытаюсь смыть весь кошмар этого бесконечного дня. Тщательно намыливаю тело, долго скребу кожу мочалкой. Подставляю лицо под ледяные струи воды.

Я предпочитаю холодный душ. Закаляет, отрезвляет, приводит в чувство на раз.

Я мысленно повторяю, что справлюсь, что выдержу.

Но черт...

Черт.

Как же мне горячо.

Везде. Внутри. В горле. И между ног. Да и голову будто наполняет кипяток. Тягучее желание ядом растекается по жилам.

С чего бы вдруг? Почему он? Что в нем такого особенного?

Я никого так сильно не хотела. Никогда. Может дело в травме? Может я просто ненормальная?

Я вытираюсь полотенцем и ныряю в постель. Абсолютно голая. Я засыпаю, едва моя голова касается подушки.

Я не переживаю о том, что оказалась под замком. Эти оковы не ощущаются.

— — —

Бабочки порхают вокруг меня. Яркие, разноцветные, экзотические. Шорох их крыльев неуловим, постоянно ускользает, звучит совсем близко и в то же время очень далеко.

Я улыбаюсь и тянусь к ним, протягиваю руку.

Что-то теплое касается моего плеча, соскальзывает ниже, по лопаткам, вдоль позвоночника. Обжигает.

– Детка.

Хрипло будто звериный рык.

Никогда бы не подумала, что это банальное обращение можно произнести вот так. Чтоб до костей пробрало.

– Как сладко ты спишь, – он поглаживает поясницу. – Завидую.

Я просыпаюсь моментально. Я понимаю, Чертков содрал с меня одеяло и беззастенчиво исследует мою спину.

Проклятье.

Мою спину. При свете дня.

Я подавляю безусловный рефлекс. Я не пытаюсь закрыться или вырваться. Какая разница? Он все равно увидит. Если уже не увидел.

– Чего дергаешься?

От него ничего нельзя скрыть.

– Испугалась.

– Не надо лгать.

– Почему ты...

– Откуда шрамы?

Мне хочется вгрызться зубами в подушку.

– Тебе не наплевать? – бросаю холодно.

– Я задал вопрос.

– А я просила помочь моему отцу. И что? Пора привыкнуть, мы не всегда получаем желаемое. Мир не идеален.

– Это от ножа.

Он поглаживает рубцы.

– Глубокие раны.

Его пальцы медленно изучают белесые полосы.

– Кто-то всадил лезвие в твою спину. Пять раз. По самую рукоять.

Сжимаю челюсти так, что зубы скрипят.

– Кого же ты вывела?

– Не твое собачье дело!

Больше не сдерживаюсь, резко вырываюсь и оборачиваюсь, действую молниеносно, залепляю Черткову звонкую пощечину. Он ничего не делает. Застывает. И я с ужасом наблюдаю за тем, как каменеет его лицо.

Отпрянув назад, я вжимаюсь спиной в спинку кровати, хватаю подушку, стараясь прикрыться.

– Стань раком, – говорит он.

– Ч-что?

– Раком. На колени. Быстро.

– Я не...

– Ты кем себя возомнила?

Чертков поднимается с кровати, расстегивает ремень на брюках, достает из шлеек.

– Принцессой?

Он складывает ремень вдвое и бьет по кровати, хлесткий удар рассекает воздух. Свистящий звук вынуждает меня вздрогнуть.

– А я по-твоему кто? Верный пес? Буду как твои сопливые ухажеры сглатывать все это дерьмо?

– Ты не посмеешь, – нервно облизываю губы, мотаю головой. – Ты не станешь.

Он хватается за лодыжки. Одной рукой обхватывает сразу обе, дергает, подтягивая ближе, заставляет распластаться на спине, а после грубо переворачивает на живот, укладывает к себе на колени.

– Посмею. Стану.

Без всякого предупреждения первый удар обрушивается на мой голый зад.

Я кричу скорее от возмущения, чем от боли. Никто и никогда не порол меня вот так. Не наказывал.

– Да ты ничем не отличаешься от других, – выпаливаю гневно. – Если бы я хотела, ты бы валялся у меня в ногах, ты...

Следующий удар заставляет мигом заткнуться.

Глаза наполняются слезами, и я не могу сдерживаться. Начинаю вопить, дергаюсь и вырываюсь, но безрезультатно.

– Давай, – насмешливо бросает он. – Договаривай.

Кровь приливает к низу живота, вызывая странные, противоречивые ощущения. Жгучее желание смешивается с дикой, нестерпимой болью.

Я выгибаюсь, пытаюсь ускользнуть от удара, но становится только хуже и хуже.

Я кричу и умоляю о пощаде, а он смеется. И член его стоит колом, натягивает брюки, упираясь в мой живот.

– Прошу, – слабо выдыхаю.

– Что?

– Хватит.

Черткову наплевать.

Я теряю счет ударам, срываю голос, закашливаюсь, давлюсь собственными стонами и воплями. Я почти отключаюсь от боли, мне чудится запах крови. А может и не чудится. Даже не хочу знать, не хочу видеть во что превратился мой зад.

Но я ни секунды не сожалею о той пощечине, о своих словах. Я бы сказала и сделала гораздо больше, просто чтобы стереть самодовольное выражение с его физиономии.

– Ладно, – заявляет Чертков, прекращая попытку. – Продолжим вечером.

– Продолжим? – переспрашиваю чуть слышно.

– Я еще с тобой не закончил.

Он опять поглаживает мои шрамы. Медленно проводит пальцами по тонким полосам на спине.

– Так откуда это?

– Память о прошлом.

Чертков отстраняется, демонстративно вытирает ремень о простыню, на белой ткани остаются темно-красные следы. Я кусаю губы, сдерживая вскрик.

– В будущем тебя тоже ждут приятные сюрпризы.

– Не сомневаюсь.

– Я вернусь в семь вечера. У тебя достаточно времени для приготовления ужина. На кухне список блюд, рецепты и продукты.

– Что за бред?! – вскакиваю и тут же захлебываюсь криком боли.

– Чем быстрее ты научишься принимать правила и подчиняться, тем меньше будет страдать твоя задница, – произносит он, заправляя ремень обратно в шлейки. – Хотя лично я не имею ничего против этих забавных вспышек гнева. Я-то в любом случае получу удовольствие.

– Я не умею готовить.

– Никогда не поздно научиться.

– Экономить на прислуге?

– Забочусь о тебе. Видишь, сколько всего нового узнаешь. И отсасываешь уже с душой, и на кухне себя проявишь.

Он протягивает мне пакет с логотипом известного бренда нижнего белья.

– Встречать будешь в этом.

– Цирк какой-то, – невесело усмехаюсь. – Ты издеваешься.

– Нет. Я просто совершил выгодное приобретение. Я купил тебя, и ты сделаешь все, абсолютно все, что я прикажу. Добровольно или насильно – не важно.

– Интересно, за что ты меня купил? За обещание, которое не выполняешь?

Он проводит тыльной стороной ладони по моей щеке.

– Я могу сделать твою жизнь по-настоящему ужасной. А могу и не сделать. Это довольно выгодная цена, верно? Мое расположение.

– Твое расположение больше похоже на приговор.

Его ладонь скользит вдоль позвоночника, замирает чуть пониже поясницы, сжимает ягодицу, отправляя по телу сотни раскаленных игл.

Сжимаю зубы, терплю.

– Но тебе ведь нравится, – ухмыляется Чертков.

И я понимаю, он прав.

Дьявол.

Глава 6

Когда-то давно я поклялась, что никто и никогда не увидит моих слез. Не важно, сколько придется терпеть и какую боль придется вынести, я никому не доставлю радости, я не покажу свою слабость.

И с тех пор стало легче, отпустило.

Меня ранили, а я смеялась.

Ложь. Предательство. Козни за спиной и откровенные подставы от якобы друзей. Чужая гниль уже не задевала. Судьба измывалась надо мной, а я скалилась в ответ. Бедная, она постоянно ломала зубы о мое безумие.

Чем больше грязи на меня выливали, тем ослепительнее становилась моя улыбка.

Я обладала тем, про что большинство людей только мечтают, видят на страницах журналов или по телевизору, в обзорах светской хроники. Я могла позволить себе абсолютно все: личный самолет, яхту, дорогое авто, наряды от любого дизайнера, драгоценности. Мои капризы быстро становились реальностью, а внутри была выжженная пустыня. Зато снаружи я всегда выглядела идеально. И только тонкие белесые шрамы на спине портили картину. Я бы избавилась от них, если бы хотела. Однако я не хотела, я предпочитала носить на себе память о самом жутком дне жизни, моменте, когда моя вселенная раскололась на части.

Чертков никогда не сможет уничтожить меня. По одной простой причине. Я уже уничтожена.

Я открываю пакет, изучаю белье, тончайшие кружева. Отбрасываю в сторону и криво усмехаюсь.

Я не стану выполнять приказы по щелчку пальцев. Разумные – возможно. Откровенно идиотские – нет. Приготовить еду? Да, пожалуйста. Без проблем. Пускай давится моей отравой. Но вот встречать его в подобном виде я не намерена.

Впрочем, подобрать другую одежду трудно. Выходить к нему голой – тоже не лучшая идея, а альтернатив не так и много. Мое платье перепачканное спермой едва ли подходит, а больше в этой квартире нет ни клочка одежды. Я методично изучила каждую комнату, проверила шкафы и тумбы.

Не заматываться же в простыню или в банное полотенце! Это выглядит жалко.

На второй этаж я не спешу подняться. Хватит с меня одного нарушения строгих распоряжений. С остальными можно подождать, отложить на завтра.

Во время готовки я продолжаю размышлять над тем, что на себя надеть. Это стимулирует мозг и не позволяет сойти с ума, пока я нарезаю овощи.

Какая скукота! Женщинам нужно памятник поставить. Те, у кого нет денег на оплату прислуги, вынуждены сами всем заниматься. Стирать, убирать, горбатиться на кухне. Многие еще и работают, воспитывают детей, тянут на себе абсолютно весь дом.

Но самое худшее это однозначно готовка. Еще никогда прежде мысли о суициде не приходили ко мне в голову с такой частотой.

Наверное, все не так плохо. Если женщина любит, то ей легко и приятно заниматься подобными вещами, проявлять заботу о близком человеке.

Но черт подери как же это все отвратно, монотонно. Утомляет? Раздражает! Бесит просто невероятно.

Или я чего-то не понимаю? Пытаюсь особо не вдаваться в детали, механически следую инструкциям в рецепте. Представляю, что делаю лабораторную работу по химии. В далекие школьные годы я отлично успевала по этому предмету. Если смешать все ингредиенты правильно, выйдет настоящая бомба.

Я колдую над продуктами, и получается вроде сносно. По крайней мере, на вид. Ну а там не важно. Я не слишком расстроюсь, если мясо плохо прожариться. Чертков так же не станет возмущаться, ведь ему не привыкать. Он и сырое мясо сожрет, не поморщится.

Интересно, а рецепты сам искал? Составлял? Понимаю, картина выглядит нереальной и абсурдной, но представлять ее забавно. Хоть какое-то светлое пятно в непроглядном мраке.

Время проходит незаметно, я смотрю на часы, замечая, что за окном уже темнеет. Шесть вечера, а я до сих пор не знаю, какую одежду буду надевать вместо развратного белья.

Устало вздыхаю, бездумно гляжу на пейзаж по ту сторону стекла, и вдруг ко мне приходит гениальная идея.

Чертков появляется ровно в семь. Точность – вежливость королей. Хотя он скорее бродяга, бандит из подворотни.

И все-таки я не могу не обратить внимания на очевидное. Этот человек намеренно пытается казаться грубее и примитивнее, чем есть на самом деле. Мат, крепкие выражения, откровенное хамство. Он действительно быдло. Даже хуже. По поведению. Но в его речи проскальзывают фразы, указывающие на куда более высокий интеллект. Он намеренно старается казаться проще.

– Приветствую тебя, господин, – заявляю сладко.

Выхожу вперед, опускаюсь на колени, послушно склоняю голову.

Чертков окидывает меня голодным взглядом, в котором читается легкое удивление. Не может понять, что именно я на себя надела, откуда достала это странное платье, которое удивительно смахивает на одежду гейши. Серый цвет, неброский узор. Наглухо закрытое, однако подчеркивает каждый изгиб фигуры. Длинные рукава, никаких вырезов и разрезов, под горло. Выглядит очень скромно.

Я ожидаю реакцию на данную провокацию.

– Открой рот, – говорит Чертков.

И у меня перехватывает дыхание. Физически чувствую, как невидимая рука сдавливает горло, хотя мужчина напротив и пальцем не притронулся.

– Зачем? – спрашиваю тихо.

– Открой рот.

Я подчиняюсь.

– Шире.

Он подходит ближе.

– Зубы спрячь. Высунь язык. Еще. Достаточно.

Одобрительно гладит по макушке, тянет за волосы, заставляя запрокинуть голову назад.

– Запоминай эту позу. Будешь меня встречать именно в ней. Так ты показываешь, что готова принять в рот мой член. Предлагаешь поиметь себя в горло.

Он спятил? Еле удерживаюсь от комментария.

– Сейчас я не в настроении для минета, поэтому можешь расслабиться. Найдем для тебя другое занятие. Снимай.

Я не сразу понимаю, о чем он.

– Чего застыла?

Чертков выразительно смотрит на свою обувь.

– Говорю же – снимай.

– Что? Ты...

– Твоя задача предельно понятна.

– Я не...

– Хочешь облизать мои ботинки? Организуем. Пока я советую их снять, нежно и осторожно.

Я подавляю вспышку ярости, решаю снова подыграть, посмотреть, как далеко зайдет его большая фантазия.

Я послушно снимаю ботинки. Но боюсь, мои истинные чувства выдает нервная дрожь. Пальцы едва справляются с задачей.

– Привыкай, принцесса.

Я уверена, он ощущает растущий во мне гнев, не путает его с трепетом страха. Он упирается тем, как наступает на горло моей гордости, наслаждается.

– Что это за тряпка? – наконец, переходит к наряду. – Откуда ее вытащила?

– Догадайся.

Он наматывает мои волосы на кулак и тащит меня за собой, по полу, специально не позволяет подняться. Я отчаянно стараюсь зацепиться за его руки, облегчить боль. Но куда там. Бесплезно.

Чертков ступает размашистыми шагами, у меня нет никакой возможности ослабить хватку. Я не хочу рыдать. Только слезы против воли стекают по щекам.

Он затаскивает меня на кухню и отпускает, открывает холодильник, что-то ищет. Я не теряю ни минуты, поднимаюсь и бросаюсь к столу, хватаю огромный нож.

Сейчас или никогда. Если ты берешь оружие в руки, медлить нельзя. Если не готов ударить, лучше сразу сдаться. Ничего не начинать.

– Положи эту игрушку на место, детка, – раздается голос Черткова.

И я содрогаюсь. Желудок сводит болезненная судорога. Но я оборачиваюсь, крепче сжимаю рукоять.

– Не подходи!

– Думаешь, я послушаюсь?

– Да, – выставляю нож лезвием вперед. – Люди обычно слушаются тех, кто способен их убить.

– Но не ты, – усмехается. – Тебя же это не останавливает?

Чертков спокоен и невозмутим. Он медленно приближается ко мне.

– Я не шучу, – тоже делаю шаг навстречу.

– Я вижу.

– Не смей прикасаться ко мне. Не смей.

Только ему плевать на мои угрозы.

Он подходит вплотную, а я чувствую, как отнимаются ноги, тело деревенеет, я не могу шевельнуться.

– Как скажешь, родная, – хмыкает.

Он останавливается так, что острие ножа упирается в его живот.

– Чего застыла? – его губы растягиваются в издевательской ухмылке. – Режь!

Подается вперед. Лезвие царапает кожу, вспарывает, выпускает горячую кровь наружу. Тонкая бордовая струйка ползет по белоснежной рубашке.

Мысли разом выветриваются из головы.

Всего один рывок, одно движение, и я могла бы отнять его жизнь. Наверное. В комнате настолько тихо, что биение собственного сердца оглушает.

Я стискиваю рукоять из последних сил. Пальцы немеют, дыхание сходит на нет.

Я смотрю на Черткова, попадаю в ледяной капкан. Мой взгляд бьется раненой птицей, а его взгляд пожирает меня.

А потом нож падает на кафель.

Я не могу. Не могу. Не могу убить его.

– Второго шанса не светит, – говорит, будто сетует. – Зря ты упустила свою свободу.

– Ты бы все равно не позволил...

– Но ты даже не попыталась.

Он сжимает мои плечи так, словно хочет раздробить кости в порошок.

– Это штора? – интересуется неожиданно насмешливым тоном.

Соображаю с трудом.

Моргаю.

– Ты это из шторы соорудила? Наряд свой.

– Д-да.

– Оригинально.

– Ничего сложного.

В готовке я не мастер, а с одеждой гораздо проще. Несколько надрезов и безликий кусок ткани превращается в экзотический костюм.

– Смотрится ужасно, – заключает Чертков.

– Не в твоём вкусе?

– Я хочу, чтобы ты была голой.

– Это трудно снять. Много узлов. Нелегко развязать.

Вместо ответа он берется за ткань и разрывает. Несколько мгновений, и плотная штора превращается в лохмотья.

Каждое его движение заставляет меня вздрагивать. Но я не совершаю ни единой попытки противиться или защищаться.

– Убьешь? – интересуюсь чуть слышно.

Он разворачивает меня лицом к столу, толкает, вынуждая согнуться пополам.

– Нет, – прижимается сзади. – Просто отымею.

Расстегивает брюки, трется возбужденным членом о мое лоно.

– Ты опять мокрая, – выдыхает мне на ухо. – Течная сука.

Шлепает ладонью по искалеченной заднице. Содрогаюсь, морщусь от боли.

– Не переживай, шрамов не останется. Все заживет. Когда я захочу оставить тебе что-нибудь на память, проявлю больше фантазии.

Он немного отстраняется и вдруг грубо входит в меня, выбивает сдавленный вопль из моей груди. Двигается мощными толчками, резко, жестко. Не желает доставить ни капли удовольствия, только закрепляет право на собственность.

Но я отвечаю ему. Бедра приходят в движение. Рефлекторно.

Я выгибаюсь, упираюсь лбом в прохладную столешницу, тихонько постанываю.

Наши тела соприкасаются, и мои ягодицы обдаёт огнем. Боль опять сливается с наслаждением. Я не способна разобраться в своих эмоциях, теряюсь в мрачных лабиринтах.

– Ты просто болен! – уже не думаю про осторожность и вероятные последствия.

– Да, – посмеивается. – Я болен, и ты даже не представляешь насколько.

Он немного отстраняется и вдруг грубо входит в меня, выбивает сдавленный вопль из моей груди. Двигается мощными толчками, резко, жестко. Не желает доставить ни капли удовольствия, только закрепляет право на собственность.

Но я отвечаю ему. Бедра приходят в движение. Рефлекторно.

Я выгибаюсь, упираюсь лбом в прохладную столешницу, тихонько постанываю.

Наши тела соприкасаются, и мои ягодицы обдаёт огнем. Боль опять сливается с наслаждением. Заледеневшее тело вспыхивает пламенем. Я теряюсь в мрачных лабиринтах своего подсознания.

Я не сопротивляюсь. Бесплезно противиться тому, что уже происходит. Проиграна битва, но не война. И пусть мои губы искусаны до крови, я не сдаюсь.

– За что? – тихо бормочу я. – За что ты так сильно ненавидишь меня?

– Не льсти себе, ты не вызываешь настолько сильных эмоций.

Странно.

Гигантский поршень внутри меня говорит об обратном. Не ведает отдыха, пронзает, нанизывает, вдалбливается в лоно в яростном ритме.

– Ты всего лишь моя подстилка.

Он шлепает меня по заду, и боль как кипяток обдаёт плоть, растекается вверх и вниз, струится по ногам и устремляется ввысь, к пояснице.

– А ты подонок, – цежу сквозь плотно стиснутые зубы.

– Мы отлично смотримся вместе, – заключает довольным тоном, мнет мою грудь так грубо, что хочется орать.

Его огромный член становится ещё тверже и горячее, вбивается вглубь, вырывает из моего горла жалкие всхлипы. Ощущение, будто достает до самого сердца. Каждое его движение сотрясает тело.

– Скажи, сколько мужиков пускали слюни на твою очаровательную попку? – шепчет Чертков.

От его вопроса и жутко, и жарко.

Я бы хотела, чтобы возбуждение схлынуло, но огонь опалает ребра и охватывает низ живота.

– Ты же не...

– Я буду нежен. Веришь?

Мне не хватает воздуха.

Закашливаюсь.

Он отстраняется и у меня подкашиваются ноги. Я безвольно соскальзываю на пол. Внутри все ноет от неудовлетворенности. Я сжимаюсь, сворачиваюсь в клубочек.

– Не надо.

– Чем раньше начнем, тем быстрее получим удовольствие. Ну уж я точно получу.

– Пожалуйста. Нет.

Я слышу, как он отходит в сторону, открывает холодильник, закрывает. Я жадно ловлю каждый звук.

– Ужин остынет, – не узнаю свой голос.

Слабый, дрожащий.

– Почему ты не отложишь это на другой раз? Я же никуда не денусь.

– А зачем ждать?

Чертков опять подходит ко мне и опускается на колени.

– Не нужно.

Пытаюсь отползти, но он возвращает меня обратно.

– Трусиха.

– Прошу, хватит.

– А была такая смелая и гордая. Куда подевалась Катерина Олеговна?

– Ты... ты не... ты слишком большой.

– Ничего, войдет как по маслу.

Чертков начинает смазывать меня чем-то прохладным. Сначала просто обводит, а после проникает вглубь пальцем.

– Нет... нет.

Я не хочу плакать, но слезы сами наворачиваются на глаза. Кажется, меня уже раздражают на части.

– Успокойся, принцесса.

Он продолжает методично обрабатывать и разминать мой анус. Так словно это обычное, совершенно нормальное действие.

А меня трясет в немой истерике.

– Нет, нет, нет.

Я повторяю это короткое слово снова и снова, однако не могу сопротивляться. Я как парализованная, намертво прибитая к ледяному кафельному полу.

– Я не буду спешить. Я растяну наслаждение. Я растряхаю твою попку медленно. Очень медленно.

Чертков немного отступает, дает передышку. Вдруг прижимается сзади, накрывает мое тело своим. Раскаленный член дразнит и упирается в лоно, но не проникает, скользит по клитору. Горячие, чуть шершавые пальцы сжимают мои соски, отправляя огненные импульсы по всему телу.

– Я отниму ту единственную девственность, которая у тебя осталась.

Он трется о меня, заставляя кончить, плавно подводит к оргазму, а когда я начинаю сотрясаться от сладостных спазмов, крупная головка члена перемещается выше. Я успеваю только вскрикнуть.

– Твоя задница давно нарывалась.

Чертков раздвигает мои ягодицы, безжалостно таранит анус. Проникает без лишней спешки. Медленно и уверенно, завоевывает территорию миллиметр за миллиметром.

Я отказываюсь верить, что это действительно происходит.

Я надеюсь, он не сумеет, не поместится, не возьмет меня настолько извращенным образом.

Но он берет все, что пожелает. И так, как пожелает. Ему плевать на запреты.

– Только импотент не захочет отодрать твой зад, – хрипло произносит Чертков, и я едва могу разобрать его речь.

Звучит как рычание.

– Тугая. Тесная.

Он урчит, проникая в меня до упора.

– Я только вошел, а яйца уже готовы взорваться и накачать тебя спермой.

Он наваливается сверху всем своим весом. Кажется, сейчас сломает мой позвоночник или просто раздавит.

Его тяжелое дыхание оглушает.

– Какая же ты... принцесса.

Я превращаюсь в сгусток лихорадочной дрожи.

Это ни на что не похоже.

Огромное. Раскаленное. Чужеродное. Пульсирует внутри, повторяя мой пульс. Удар за ударом. Не движется, но живет. Овладевает всем телом. Резко, сразу.

Я не могу ничего произнести.

Я едва дышу.

Мои глаза округляются, а губы немеют. Меня прошибает испарина. Кожа становится гусиной, покрывается ледяной коркой.

Я скребу кафель. Ногтями. Напрасно пытаюсь выбраться из-под зверя, жестоко терзающего меня.

– Т-с-с. Тихо.

Чертков толкается вперед, и зад обжигает такая боль, что играть в мужество больше не удастся.

Я кричу, дергаюсь.

– Ну давай, выделывайся, – его забавляет моя наивная борьба. – Это усиливает мои ощущения. Дополнительная вибрация.

Он совершает еще несколько неторопливых фрикций, растягивает меня, расплющивает на кухонном полу.

– Ты приготовила вкуснейший ужин.

Он почти покидает мое тело, вызывая мнимое облегчение, а потом снова заполняет до предела, буквально раздирает надвое.

– Твои кавалеры не подозревают, как хорошо ты умеешь обслуживать. По высшему разряду, как в настоящем борделе.

Он двигается в размеренном ритме, размашистыми толчками.

Я захлебываюсь криками, глотаю непрощенные слезы, бьюсь под мускулистым телом без надежды выбраться.

Это тюрьма.

Тюрьма, в которую я сама себя заключила.

Я за решеткой. Преступница получает заслуженное наказание. Справедливость торжествует.

– Ты... ты просто слабак! – меня прорывает. – Ты насильник. Мразь.

– Точно, – он смеется. – А кто ты, если кончаешь сейчас?

– Я не...

Его горячие, чуть шершавые пальцы касаются клитора.

– Кончи, – шепчет на ухо, обдает жарким дыханием. – Кончи для меня.

Он опять доводит до грани, до самого пика.

– Ты и анал распробуешь, тоже начнешь кончать. Ты будешь есть у меня с рук и умолять, чтоб я тебя оттрахал. Ты будешь сама проситься на член.

Он продолжает двигаться внутри и ласкать меня. Продолжает шептать гадости, унижать, втоптывать в грязь.

А потом ритм становится неистовым, член бьется во мне точно бешеный, набирает сумасшедший, животный темп. Замирает на миг и вновь вколачивается в задницу размашистыми движениями.

Пальцы сминают клитор, заставляя завопить. И горячее семя наполняет мои внутренности, разливается внутри будто кипящая лава.

– Ненавижу, – выдыхаю как молитву.

– Знаю. И от этого трахать тебя еще приятнее. Слаще.

Чертков поднимается и уходит.

Я еще долго не могу заставить себя подняться. Даже на бок не могу повернуться, не могу свернуться калачиком и зарыдать. Не могу плакать. Не могу.

Я сильная. Слишком сильная. Я не должна, не имею права.

– Что ты как размазня?

Его голос вырывает из оцепенения.

– Так и будешь тут валяться?

Он подходит ближе.

– Я ожидал большего. Или это новая роль? Невинная жертва.

Как же хочется набить ему морду. Но я трезво оцениваю собственные силы. Он способен без труда забить меня насмерть.

– Шагай в душ.

– Зачем?

– За тем, что мы не закончили ужин.

Чертков обхватывает меня за плечи, встряхивает и поднимает рывком.

– Ты пойдешь в ванную комнату и приведешь себя в порядок, наденешь тот комплект, в котором я хотел тебя видеть, и тогда мы поужинаем.

Я смотрю в его глаза и не решаюсь спорить.

Я понимаю, что все-таки очень хочу выжить.

Глава 7

Она выходит к ужину так, как я приказал. В черном. Будто в саване. Практически голая. Но покорности в ней не чувствуется. Она смотрит мне в глаза. Нагло, с вызовом, совсем не смущается и не тушует. Плечи расправлены, спина прямая, ровная как струна. А чего стоит эта высоко поднятая голова, упрямый подбородок вздернутый вверх.

Тонкая кружевная полоска обвивает ее горло будто ошейник. Но она двигается и ведет себя так, словно ошейник на мне и поводок у нее в руках.

Кружева образуют два соблазнительных круга вокруг ее груди, подчеркивают белизну кожи.

Дьявол раздери, какая же у нее грудь. Высокая, полная, упругая. Идеальная. Я уверен, здесь обошлось без скальпеля пластического хирурга. Все натурально.

А как вздымается. Тяжело, прерывисто, выдавая волнение. И как твердеют эти маленькие розовые соски. Вряд ли от возбуждения.

Гордая стерва. И не скажешь, что совсем недавно орала от боли подо мной, дрожала и задыхалась, скулила от страха.

Теперь она опять королева бала. Восседает напротив с видом царицы, лишь слегка кривится, когда ее зад касается стула.

– Ничего, приноровишься, – я обязан приободрить даму. – Обещаю, мы будем часто практиковаться.

Она молчит, но ее губы дергаются, сведенные судорогой.

– Чего грустишь? – усмехаюсь. – Гордилась бы. Ты настоящая профессионалка в этом ремесле. Схватываешь на лету, мастерски подставляешь задницу.

Она не отвечает и не притрагивается к еде, тянет руку к бокалу с вином, но тут же одергивает.

– Не голодна?

– Сыта по горло!

– Встань, – шелкаю пальцами, подзывая ее. – Подойди ближе.

Она медлит и поднимается, приближается ко мне, плавно покачивая бедрами. Намеренно провоцирует.

Дрянь.

Это из нее еще долго выбивать. Что же – тем лучше, тем больше повеселимся, я бы пытал ее целую вечность.

– Стой. Покрутись. Не спеши. Еще раз. Еще.

Она выполняет все распоряжения, и я могу прекрасно изучить ее тело. Стройное, гибкое, податливое. Тающее точно воск в моих руках. Стоит коснуться – плывет. Подается, отзывается на каждое движение.

Я едва удерживаюсь от искушения. Пальцы сжимаются в кулаки, просто чтобы ее не коснуться, не схватить и не подмять под себя в эту конкретную минуту.

Какая же она... нереальная.

Бледная кожа. Нежная, тонкая, светящаяся. Такую легко вспороть ремнем. И метки от моих пальцев везде остались. Выразительные красные следы скоро обратятся в синяки. Потрясающее зрелище. Я не специально. Сорвался.

Бордовые полосы на ее заднице исчезнут, а вот белесые шрамы на спине никуда не исчезнут.

Она могла бы от них избавиться. Современная косметология и ее богатство это вполне позволяют.

Чем же они ей так дороги?

Я вспоминаю, как пришел к ней утром, когда она еще спала. Ранимая, трогательная, беззащитная. Совсем на себя не похожая. Сжавшаяся в комочек, свернувшаяся на животе. Абсолютно голая. И такая удивительно невинная. Мелкая, взъерошенная. Как котенок.

Но это только маска. Образ. Видимость.

Ха! Широко распахнутые глаза и дрожащие губы. Оскорбленная невинность. Только полный кретин на такое поведется.

Ни одна женщина не отваживалась залепить мне пощечину. Прежде. Но и ни с одной женщиной я не поступал так, как с ней.

Она пробуждает самые низменные инстинкты.

Одержимая дьяволица.

Или это я одержимый? Ею. Фанатичной идеей.

Тянет обхватить ее за талию, притянуть и накрыть грудь губами. Вдохнуть манящий, грешный запах.

Вот как она действует. Ядовитая гадина. Забирается под кожу, парализует мысли, отбирает волю.

Хорошо, что у меня иммунитет.

Между нами не будет никакой нежности. Только ненависть, отчаяние и боль. Пусть не надеется выбраться отсюда живой.

– Подойди, – подзываю кивком.

Моя ладонь ложится на плоский живот.

А Князева вздрагивает точно я ее ошпарил. Шумно втягивает воздух. Трясется.

Я провожу пальцами по черному кружеву. Оно мало что прикрывает, в нужных местах сделаны прорезы. Я могу в любую минуту нагнуть эту шлюху и вставить ей туда, куда пожелаю. Даже ничего снимать не придется.

Член наливается кровью.

Гребаный ад.

Я опять готов ее трахать. Достаточно взглянуть на зад, исполосованный ремнем.

Как же там туго и тесно. Жарко.

Я касаюсь ее лона. Сухая. Но это ненадолго.

Я знаю, что достаточно пары моих движений и она потечет. Я знаю, куда нажать. Как сильно.

– Говоришь, сыта по горло. Но я намерен накормить тебя на свой манер. Она выглядит настороженно.

– Кончу в рот, а ты снова будешь давиться и глотать.

Я чуть надавливаю и ощущаю, как мои пальцы орошает влага.

– Запоминай, принцесса. Будешь будить меня минетом. Заодно и потренируешься брать глубоко. Будешь тереться грудью о член, а потом вылизывать яйца, захватывать весь ствол в рот и ласково, с почтением обсасывать.

Она мелко дрожит. Бледные щеки заливаает яркая краска. Губы трепещут, а в глазах зияет пустота, полная протрация.

Впечатление, будто я ее опять оттрахал. Словами. Но ей по кайфу эта грязь. Я чувствую, как внутри нее все наливается и набухает от возбуждения, как кровь пульсирует в ней тугими, мощными толчками.

– Место.

Я бросаю на пол подушку, поправляю ногой.

– Сидеть.

Она почти подскакивает от возмущения.

– Ч-ч-то? – запинается.

– Присаживайтесь на почетное место, Катерина Олеговна.

Она оглядывается по сторонам, будто ожидает помощи. Только от кого? Ни отца, ни брата рядом нет. И тот адвокатишка ее не спасет. А я бы собрал их всех вместе и устроил бы показательное выступление.

Ох, они бы сполна насладились спектаклем. Я бы показал им много нового и очень интересного. Я бы показал, какая шлюха эта их милая, маленькая девочка.

– Я же не животное, – бормочет она. – Я так не могу.

Но под мои взглядом сутулится и подчиняется, соскальзывает на пол.

А я даю ей облизать свои пальцы. Пусть пробует собственный вкус.

Пока она послушно сосет, мои яйца ноют от боли.

И зачем я над собой издеваюсь? Зачем терплю? Нужно быстрее спустить и успокоиться, выпустить пар.

Я расстегиваю ширинку и за шею притягиваю ее к паху. Вставляю ей в рот, двигаю макушку в подходящем темпе.

Жестче, резче. Да, так. Чтoб до самых гланд.

Девчонка настолько обалдевает, что даже не сопротивляется.

Девчонка? Нет. Девка. Шалава. Дрянь. Вот кто она. Гребаная принцесса, для которой обычные люди просто пыль под ногами, декорации.

Я кончаю, и сука едва справляется с объемной порцией. Кашляет, краснеет еще сильнее. Захлебывается, но я не отпускаю ее, пока она не проглотит все семя до последней капли.

– Понравился десерт?

Она молча вытирает рот тыльной стороной ладони. Сгорбленная усаживается на подушку.

– Тогда поцелуй ноги своего хозяина.

Она бросает на меня ошалелый, затравленный взгляд.

– Скажи, спасибо за сперму. Спасибо за то, что я кончил тебе в рот.

– Я не стану говорить такое.

Она пытается отползти, но я хватаю ее за волосы.

– Скажешь.

Я дергаю пряди вниз, вынуждая сучку пригнуться к земле.

– Спасибо за сперму, – шипит она. – Спасибо за то, что кончил мне в рот. Хозяин. Чтоб ты сдох!

– Целуй ноги.

– Нет.

– Ты можешь прямо сейчас убираться, проваливать отсюда. Но второй раз я тебе такого шанса не дам. Никакой помощи ты не получишь.

– Ты и так не...

– Не устраивает? Проваливай.

Я блефую.

Я отпускаю ее и отворачиваюсь, продолжаю ужин. А она следит за тем, как я ем. Интересно, она догадывается, что точно также я сожру и ее? С потрохами.

– Хорошо, – заявляет Князева.

Прижимается щекой к моей штанине. Глухо всхлипывает, не может переломить себя и продолжить.

– Ступни целуй.

Когда мягкие губы прижимаются ко мне, член ощутимо напрягается. Опять.

Проклятье, что же эта сучка вытворяет со мной?

Я даже не смотрю на нее. Не хочу видеть, как она согнулась в позе покорности, как призывно выпирает ее покалеченная задница.

Но я чувствую все.

Рот, запечатлевающий поцелуй. Мягкие пряди волос. Даже слезы, стекающие с ресниц. И озноб. Ледяную дрожь, сотрясающую тело.

Я чувствую ее. Как самого себя. И это охр...неть как странно.

Я ни капли не раскаиваюсь, но я не могу упиваться ее унижением в полной мере. Что-то мешает, какой-то странный барьер.

Разложить бы ее на этом столе, вжаться губами в губы.

Но этого не будет никогда.

Я все-таки не выдерживаю и смотрю вниз, оцениваю багровые полосы, кровь запекшуюся на бледной коже. Я испытываю легкое сожаление. Ничего личного. Просто красивая вещь испорчена. А я бы не хотел ничего портить раньше времени. Внешне. Внутри – другое дело. Внутри я ее с огромным удовольствием искалечу.

Разве можно предположить, что это дрожащее создание бросилось на меня с ножом, пыталось угрожать?

Она опять поднимает голову, и я понимаю – да, можно.

В ее глазах пылает ненависть, ярость и злоба. И это так мне знакомо, смахивает на мое собственное отражение.

– Держи, – я бросаю ей сумку, которую она забыла в моем кабинете. – Там твой телефон, можешь позвонить отцу и рассказать о нашем тесном сотрудничестве.

– Ты скотина.

– Постарайся придумать что-нибудь повеселее.

– Я тебя уничтожу.

– Пустые угрозы. Слушай, а давай снимем видео и отправим запись твоему папочке? Пусть посмотрит как я натягиваю его обожаемую доченьку. Его дорогую наследницу. Его маленькую принцессу. Ваша семья любит снимать всякие видео. Разве нет?

– Ты ничего не знаешь о моей семье! – она бледнеет, видимо и вправду боится, что я отправлю запись отцу.

Зря переживает.

Я не намерен осуществлять и половины из того, о чем говорю. Но смотреть за реакцией приятно. Видеть ужас на лице этой холеной суки – что может быть лучше?

Я сломаю ее. Разотру в порошок и развею по ветру.

Я бы мог изобразить галантного кавалера, сыграть в любовь, по-джентельменски предложить помощь и содействие. Завоевать ее доверие, очаровать, а потом разбить мечты, выбить почву из-под ног.

Но нет, я за другой расклад.

Я хочу приковать ее. К себе. К своему члену. Привязать.

Я не намерен изображать героя.

Я хочу, чтобы она четко понимала для кого течет и под кем стонет, в какую мразь влюбляется.

Я стану ее надеждой и приговором. Светом в окне и темнотой, которая окутает с головы до пят. Я стану гр...баным «Стокгольмским синдромом».

Я разрушу ее изнутри. Я уничтожу все ее опоры. Медленно, методично, по плану.

Правда?

Да, я действительно этого жажду.

Или нет? Почему я прыгаю перед ней будто щенок? Почему постоянно прогибаюсь? Почему член встает как по свистку, лишь только она оказывается рядом?

Что-то пошло не так в нашей игре. Еще непонятно кто и кого здесь нагибает.

За ту пощечину мне стоило вырвать ей когти. И зубы заодно. Избить так, чтоб стоять не могла. За цирк с ножом надо было добавить много новых шрамов по соседству с теми, которые уже расположились на ее спине.

А я что сделал?

Трахал. Грубо, по-скотски. Но трахал.

Сомнительное наказание.

Я подтягивался на хр...новом турнике, чтобы хоть немного сбить вождение, переключить мозг на что-то кроме этих невероятно длинных ног, крутых бедер.

А она сбросила одежду, поманила пальцем.

И... сколько я потом перетягал железа в спортзале? Сколько бы не перетягал, от дурацких мыслей избавиться не сумел.

Так кто кого?

– Приберешь здесь, – резко поднимаюсь и ухожу.

Я запираю кабинет на ключ, включаю гигантский телевизор на стене, запускаю видео на весь экран, поднимаю уровень звука на полную.

Я смотрю это не в первый раз. И не в последний. Я знаю каждый кадр. Каждый фрагмент отпечатан в моем подсознании. Хранится на подкорке.

Но иногда такие вещи надо освежать. Резать по живому, вскрывать старые раны, чтобы даже и не думали срастаться.

Передо мной темная комната и яркий свет прожектора. Спит. Ничего не удастся разобрать. Только смутные очертания мебели. С одной стороны стоит не то стул, не то кресло. А в другой стороне стол. Посередине, на полу, валяется одежда. Куча тряпья.

Вроде бы ничего подозрительного, но не для меня. Не для того, кто пересмотрел все это свыше миллиона раз.

Я бы хотел попасть туда. В это самое мгновение. Я бы хотел уметь управлять временем. Только есть вещи даже мне неподвластные. И вот одна из них.

Если присмотреться, то можно заметить как мерно вздымается одежда. Чуть вверх, чуть вниз.

Там человек. Он чем-то прикрыт. Он дышит. Он еще жив.

Я бы хотел закричать, предупредить его об опасности. А что это изменит? Кто меня услышит? Кто меня заметит?

Раздается звук открываемой двери. Шаги. Тяжелая мужская поступь и легкий стук женских каблучков.

Свет прожектора бледнеет, становится более приглушенным.

Высокий темноволосый мужчина появляется в кадре, сбрасывает накидку с человека в центре, хватая его за шею, поворачивает боком, так, чтобы он видел женщину. Девушку. Маленькую, худенькую, обманчиво невинную. Она возникает на сцене секундой позже.

Тоже высокая, темноволосая. Красивая. Пусть виден лишь профиль, вывод очевиден.

Черные глаза, губы выкрашены в бордовый. Бледная кожа. Короткое синее платье, туфли на стальных каблучках.

Я успел изучить каждую деталь. Каждую мелочь.

Я знаю сколько раз она вдохнет и выдохнет. Когда и в какую сторону наклонит голову, как повернется, что сделает после.

Я сжимаю подлокотник, представляя, что сжимаю ее горло.

– Катя? – пораженно спрашивает человек на экране. – Я не понимаю.

– Правда? – она улыбается.

– Зачем? Я... – он пробует вырваться, но у него связаны руки.

– Это была игра. Шутка. Разве ты не понял?

Она подходит ближе.

– Ты же сказала... ты сказала, что мы будем вместе. Снова и навсегда.

Она смеется.

Издевательски.

Она склоняется ниже. Платье приподнимается, обнажая ажурную резинку на ее чулках.

Грудь готова выпрыгнуть из глубокого выреза.

– Я солгала. Разве тебя это удивляет? Наверное, ты меня совсем не знаешь.

Она хлопает человека по щеке.

– Да. Ты меня совсем не знаешь.

– Катя... – он пытается поцеловать ее ладонь.

– Какой ты жалкий, – она отдергивает руку.

Резко, будто от назойливого насекомого.

– Катя, я же люблю тебя. Я...

Человек обнажает свои сокровенные чувства. Он говорит от сердца, искренне. Но девушка только насмешливо кривится.

– Что с ним делать? – спрашивает мужчина.

– Убей его. Пусть уже сдохнет и не мучается.

– Катя! – с ужасом восклицает человек. – Ты не можешь. Это не ты.

– Глупый, – она опять склоняется над ним и целует в губы, оставляет бордовый след и отступает. – Это именно я.

Девушка садится в кресло, забрасывает ногу на ногу.

Мужчина достает нож.

– Не спеши, – говорит она.

И он не спешит.

Он знает, как заставить человека страдать, умолять о пощаде, рыдать, захлебываясь кровью и слезами. Он не говорит ни единого слова, просто действует.

Машина для убийства.

Когда я первый раз смотрел это видео, то рыдал и вопил как сопливая девчонка. Я сорвал голос и бился в абсолютно дебильной истерике.

Но девушка следит за разворачивающимися пытками с интересом. Она подается вперед, чтобы ничего не пропустить и жадно наблюдает.

Потом она поднимается, и мужчина замирает. Человек еще жив, его еще можно спасти.

Только она проходит мимо, включает музыку. Известный клубный трек. Возвращается в кресло, располагается там и кивает.

– Продолжай.

А человек зовет ее по имени, умоляет, надеется.

Но в этом фильме нет счастливого финала. Через час видео обрывается, экран угасает вместе с одним из героев.

Этой записи десять лет.

Человек на этой записи – мой брат.

Этот день – день его выпускного.

Героиня в представлении не нуждается. Екатерина Олеговна Князева. Убийца – ее брат. Известный в определенных кругах садист. Однако он только оружие. Исполнитель. Не идейный вдохновитель.

Почему они это сделали? Потому что могли. Ради развлечения, ради забавы. У богатых людей всегда есть свои, особенные хобби.

Мой брат без памяти влюбился в эту суку, а она его использовала и выбросила на помойку. Только на этом партия не закончилась. Стерва держала его на привязи, на коротком поводке, манила и отталкивала. В итоге заигралась и вызвала гнев родного папаши. Как же, такой мезальянс. Нищий парень посмел покуситься на Князеву. Было велено избавиться от надоедливого жениха.

Да, мне тоже трудно поверить, что это правда. Убить человека казалось нереальным, неосуществимым, худшим из преступлений. Пока я не начал убивать сам.

Представляете, брат рассказывал о том, как влюбился, какую нежную красавицу повстречал. Он собирался на ней жениться, хотел сделать предложение. Он действительно по уши втрескался в эту дрянь.

А она поглумилась.

Женщина? Девушка? Нет. Просто тварь. Гнилая гадина.

Я перематываю назад, делаю стоп-кадр, где она улыбается, смотрит практически прямо в камеру.

Я ощущаю как моя ненависть оживает с новой силой.

Глава 8

– Ты должна общаться с людьми своего круга, – говорил отец.

Но мой юношеский максимализм заявлял об обратном.

– Папа мне скоро шестнадцать, я уже не ребенок. Я сама решу с кем общаться. А если и совершу ошибку, то это будет моя ошибка. Впредь буду умнее.

Знал бы он, где я окажусь.

Знала бы я сама, где окажусь.

– Я не хочу, чтобы ты училась на ошибках. Ничего хорошего из твоих отношений с этим нищим не выйдет.

– Андрей не нищий, – мое возмущение било через край.

– А кто? Никаких перспектив ему не светит. Семья непонятная, денег у них никогда не водилось.

– Андрей получает президентскую стипендию, он закончит университет, найдет отличную работу. Ему уже поступают выгодные предложения. Он очень умный.

– И что? Кого волнует его ум? Без связей он ничего не добьется, а деловой хватки, чтобы пробиваться самому, у него нет. Я и пальцем не шевельну, чтобы ему помочь.

– А я и не прошу о помощи! Он тоже не просит.

– Ты настолько в него влюблена, что готова лишиться всего? – отец откровенно смеялся надо мной. – Готова уйти из дома? Бросить учебу? Отказаться от высокого уровня жизни, к которому привыкла?

– А почему бы и нет?!

– Ну, хорошо. Посмотрим.

Отец никогда меня ни к чему не принуждал, не ставил строгих запретов. Суровым он был в рабочей обстановке, с чужаками, а брата и меня всегда только баловал. Если и давал наставления, то достаточно мягко. Но тогда оказался неожиданно жестко настроен.

– Думаешь, ему нужны мои деньги? Он ничего не требовал и даже не намекал. Он самый лучший человек, которого я когда-либо встречала. Добрый, открытый. Он любит меня и...

– И ты любишь его?

Этот простой вопрос сбил меня с толку, но я все равно выпалила:

– Да!

А потом задумалась над собственными чувствами.

С Андреем я познакомилась случайно, на дне рождения, который мы праздновали в общей компании. Очень красивый и обаятельный парень сразу начал оказывать мне знаки внимания, но узнав про юный возраст, смутился. Ему было уже за двадцать, он учился в университете. А я всегда выглядела старше своих лет. Яркий вызывающий макияж, рано оформившаяся грудь, совсем недетская фигура и соответствующие наряды. Парни давно обращали на меня внимание, хотя фамилия «Князева» быстро охлаждала их пыл. Слухи о моей семье всегда ходили жуткие. Со мной было опасно ссориться. Если кто-то и сплетничал обо мне, только шепотом, боязливо оглядываясь по сторонам. Никто бы в здравом уме не пожелал навлечь на себя гнев моего отца.

Андрей стал моей первой серьезной любовью. Так мне тогда казалось. Между нами не было ничего кроме нежных объятий и невинных поцелуев. Он не позволял ничего лишнего, хотя я не возражала. Всякий раз я закрывала глаза и рисовала в своем воображении довольно откровенное продолжение свидания. Я уже читала взрослые книжки, смотрела не менее взрослые фильмы. Я представляла весь процесс, а многие мои подруги к тому времени испытали все на себе. Я загадочно молчала, не говорила ничего. Меня бы засмеяли за эту девственность. Несмотря на законодательство к четырнадцати годам подавляющее большинство моих одноклассниц познали все прелести плотских удовольствий и охотно обсуждали детали. Я подозревала, что они сильно приукрашали происходящее. Возможно, пытались завоевать авторитет. Или просто фантазировали.

Когда Андрей обнимал меня, я не испытывала сверхъестественных эмоций. Я не улетала к небесам, не плыла по течению. Я ощущала тепло, заботу и спокойствие.

Я не думала, что во время секса хоть что-то из этого поменяется, вспыхнет пламя, начнут взрываться фейерверки, но представлять все это было интересно и забавно.

Я встречалась с парнем из университета, поэтому окружающие по умолчанию считали меня опытной и бывалой. Я наслаждалась этим и не спешила развеивать их заблуждения. Мне даже льстила подобная слава.

Я никогда не была болтушкой. Одной улыбкой мне всегда удавалось показать больше, чем словами.

Меня считали надменной стервой, и я упивалась таким раскладом.

Наверное, только моя семья и Андрей знали, что я другая. Обычная девочка, школьница. Не светская львица и не бездушная кокетка, какой меня представляли окружающие.

Я тянулась к Андрею, ведь он был таким хорошим и светлым, что невольно вызывал восхищение. Он совсем не походил на приятелей моего отца или друзей брата. Никакой жестокости и циничности.

Да, по меркам нашего мира он казался бедняком. Он бы не смог закупить бриллиантов, обеспечить дизайнерскими нарядами, не приобрел бы иномарку. Но разве я нуждалась в этом? Принесло ли бы это счастье?

Я искренне радовалась приятным безделушкам, который дарил Андрей. Плюшевым мишкам, букетам полевых цветов. Я хранила открытки, подписанные им от руки.

Отец же считал, что я не наигралась, что пресытившись роскошью, искала новые ощущения. Но я была уверена, что действительно люблю, нуждаюсь в этом человеке.

Я была готова собрать минимум вещей и уйти из дома. Вообще уйти без ничего. Я мечтала о рае в шалаше.

Я строила планы на будущее, представляла свадьбу.

Андрей не торопил события, не делал никаких намеков на постель. Он был моей тихой гаванью, безоблачным небом. Такой высокий и сильный, с невероятно красивыми синими глазами. Он походил на какого-нибудь актера или модель. Даже трудно поверить, что столь привлекательная внешность не вскружила ему голову и не превратила в самовлюбленного болвана.

– Твой Андрей слабак, он ни на что не способен, – хмуро заявлял отец.

Но я придерживалась иного мнения, я считала, что все только впереди.

Как же я ошибалась, как же дорого заплатила за свою глупость.

Отец не хотел, чтобы я общалась с людьми не своего круга. Он опасался, что мне причинят боль. Опасался ядовитой зависти. Он слишком хорошо понимал, насколько жестокой может быть наша реальность.

А я не страшилась ничего. Я думала, со мной никогда не случится ничего плохого. Особенно если Андрей рядом.

Я была полной идиоткой.

Но с прошлым покончено. Теперь мне нельзя причинить боль. Никто, даже сам Дьявол, не проведет меня сквозь ад. Ведь я уже давно здесь. Долгие десять лет. Та беззаботная и глупая девчонка осталась там.

В сырой земле. В могиле.

Ее закопали живым.

Я поднимаюсь и начинаю убирать тарелки со стола. Слезы опять наворачиваются на глаза. Это реакция организма. Не моя.

Я больше не хочу, не могу плакать.

Если отец увидит запись, на которой меня трахает Чертков, это его убьет. Окончательно доконает. Он лишился всего, оказался в тюрьме. Узнать через что проходит его дочь, что вынуждена терпеть – последний, сокрушительный удар.

Я включаю воду, старательно мою посуду, пытаюсь отвлечься от непрошенных мыслей, переключить мозг.

Я продолжаю ощущать горячий твердый член во рту. В горле. Я чувствую его внутри. Я чувствую вкус спермы на своем языке.

Проклятый урод.

Что он со мной делает? Почему я так сильно его хочу? Даже когда унижает, издевается, растаптывает гордость.

Неужели он заставил меня сделать все это? Благодарить за семя, целовать ноги.

Я действительно целовала его ноги. Я наплевала на все, переступила через саму себя. Но ломая волю, я получала удовольствие.

Так неужели мне нравится? Хочется стать его рабыней? Шлюхой? Неужели я неизлечимо больна?

Лучше не искать ответ на такие вопросы.

Я заканчиваю с уборкой и возвращаюсь в свою комнату, буквально сдираю ненавистные кружева, отправляюсь в душ.

К сожалению, ледяная вода больше не дарит отрезвления.

Я выхожу из ванной, бросаюсь на постель, кутаюсь в одеяло. Затравленно смотрю на дверь.

Чертков может прийти в любой момент, отыметь меня как пожелает, и ничто, никто ему не помешает. Он заполучил желанную игрушку, теперь будет развлекаться, пока не надоест.

Из моей сумочки раздается приглушенный звук. Далее следует легкая вибрация.

Я тянусь в сторону, извлекаю телефон. Дисплей показывает мне несколько пропущенных и новые сообщения. Ничего интересного. Друзья-знакомые плюс обычный спам. Звонки от управляющего моим отелем.

Я не нахожу в себе сил на ответы, механически все проверяю, просматриваю и закрываю. Я разберусь с этим завтра, на свежую голову.

И тут мое внимание приковывает последняя эсэмс-ка:

«Привет от Ворона».

Номер неизвестный, перезваниваю – отключен.

Я облизываю пересохшие губы и ощущаю дикое напряжение.

Ворон. Достаточно необычно. Это прозвище известно исключительно в узких кругах, пошло в ход после одной давней истории. Так моего брата называют самые близкие друзья. Остальные используют другую, гораздо более популярную кличку.

Быстро набиваю ответ:

«Почему сам не передаст?»

Нажимаю на отправку.

Мой брат исчез еще до ареста отца, не выходил на связь. Я бы могла предположить, что это дело рук Черткова, но, судя по всему, он до него так и не добрался, считал, будто он скрывается за границей или что-то вроде того.

Но мой брат бы так никогда не поступил. Ни бросил бы ни меня, ни отца. Для подобного исчезновения у него должны возникнуть серьезные причины.

«Занят».

Лаконичный ответ.

«Я помогу разобраться».

Почти сразу же приходит следующее сообщение.

«С чем?»

Я не уверена, что стоит доверять человеку, который не представляется и пишет со странного номера.

«Я решу твою проблему».

Я молчу, выдерживаю долгую паузу.

Это может оказаться ловушкой. Вдруг сам Чертков пробивает, известно ли мне, где находится брат?

Наконец, пишу:

«У меня нет никаких проблем. Все отлично».

Отправляю, гипнотизирую экран, затаив дыхание.

«Ворон велел разобраться».

Закусываю губу и быстро печатаю:

«Пусть сам со мной связывается».
Ответа ждать не приходится.
«Как только, так сразу».
Больше не следует никаких дополнений.
Я жду полчаса и делаю свой ход:
«Кто ты такой?»
Ответ приходит моментально:
«Друг».
Но у меня нет друзей.
Усмехаюсь.
«Как собираешься разбираться?»
Неизвестный отвечает развернуто:
«Я понимаю, что у тебя нет причин доверять мне, но ради Ворона я пойду на все. Я знаю, как нейтрализовать Черткова. Нет необходимости верить, просто следуй инструкциям».
Нервно барабаню пальцами по сенсорной клавиатуре:
«Какие у тебя инструкции?»
Ответ опять короткий:
«Ждать».
Проходит еще несколько мгновений, и я читаю:
«Удали переписку. Скоро я выйду на связь».
Снова набираю номер, снова слушаю автоматическое сообщение от оператора мобильной связи.
Послушно удаляю весь диалог.
Лучше не оставлять компромат. Даже такой невнятный.
Я откладываю телефон, вытягиваюсь в постели, смотрю в потолок.
Кто этот загадочный «друг»? Работа Черткова? Очередной ход его игры? Или же часть иного замысла?
Мне не скоро удастся уснуть.

— — —

Последующие несколько дней проходят довольно тихо и скучно. Чертков использует меня только в качестве кухарки. Оставляет рецепты и все. Никаких требований свыше.

Наверное, со стороны мы выглядим как семейная пара, в которой муж и жена давно опостытели друг другу. Встречаемся только вечером, за обеденным столом, ужинаем и молча расходимся. Никаких бесед, никакого секса.

Он не заставляет меня надевать новые комплекты белья и ползать по коридору на коленях, он смотрит мимо, будто я насквозь прозрачная и ничего особенного собой не представляю.

Признаюсь, это даже обидно.

Он сменил тактику, а я понятия не имею, что значит новый порядок.

От «Друга» тоже нет никаких сообщений. Все вокруг затаились, плетут паутину, пока я лихорадочно трепыхаюсь и пытаюсь обнаружить выход из патовой ситуации.

Ночами я практически не сплю. Я думаю о том, что он так близко. Где-то на втором этаже, там, куда мне доступ воспрещен. Я пробую вычислить, где именно. Прямо над моей комнатой или чуть дальше. Мне кажется, если прислушаться, я могу уловить его дыхание, ощутить пульс.

Мое тело горит и требует продолжения. Раны постепенно затягиваются, синяки проявляются и бледнеют, медленно сходят на нет. И я жажду большего.

Я точно сошла с ума.

Секс никогда не впечатлял меня, не интересовал и не притягивал, не распял фантазию. Сперва присутствовало любопытство, потом... разочарование и даже брезгливость. Далее я пробовала дать себе второй шанс, но ничего не вышло.

Я считала себя фригидной. Кто-то не может представить жизнь без секса, а кому-то на такое плевать и не особо-то нужно. Я относилась ко второй категории.

А что сейчас происходит? Что разбудил во мне Чертков? Что поменялось?

Внутри поселился голодный монстр, который жадно требовал добавки.

Вечером я оказывалась рядом со своим Дьяволом, однако он упорно меня игнорировал. Не удавалось даже взгляд его перехватить. Я вяло ковыряла еду вилкой, не смотрела в тарелку, смотрела прямо на него, в его глаза.

И ничего.

Я наблюдала, как он ест. Достаточно культурно. Ножом и вилкой. Но Господи... это было так по-варварски. Жестко, резко. Завораживающе.

Я следила за его длинными пальцами, за венами, которые вздувались на его руках. Я не могла удержаться от того, чтобы не облизать губы, не слотнуть, представляя совсем другие части тела.

Я старалась его спровоцировать, гипнотизировала, не отводя взгляда. Проходила совсем близко, вроде бы случайно касалась. Я поблагодарила его за нормальную одежду, вдруг возникшую в моем шкафу.

Но он молчал, никак не реагировал.

Я понимала, стоит этому порадоваться. Хотя когда люди ценили собственное счастье?

Любой штиль имеет обыкновение заканчиваться. Надвигался шторм, небо мрачнело, а я совсем этого не замечала, не улавливала в наэлектризованном воздухе запах грозы.

— — —

Очередной молчаливый ужин, очередной сеанс тотального игнорирования. Мне уже хотелось включить телевизор, чтобы разорвать ненавистную тишину.

Я опять вымыла посуду и отправилась в свою комнату, приняла душ, проверила телефон, который не показывал ничего нового. Легла и уснула, причем неожиданно быстро.

Но в эту ночь мне не суждено было выспаться.

– Просыпайся, принцесса, – хриплый шепот врывается в сознание.

Одеяло отброшено, холод обжигает тело, будто лезвие ножа.

– Пора прогуляться.

Пальцы сдавливают плечи, грубо встряхивают.

– Что происходит? – бормочу глухо.

– Нас ждет увлекательное приключение.

От этого заявления тут же становится не по себе.

Чертков включает свет.

– Одевайся.

Я замечаю очень короткое черное платье. Латексное или кожаное, пока трудно судить. Крохотный кусок ткани даже мне кажется вызывающим.

– Что это? Зачем?

– Одевайся, – повторяет он.

Я выбираю легкий путь. Поднимаюсь и покорно натягиваю платье, сидит как влитое, обтягивает тело будто перчатка. Грудь практически вываливается, зад едва прикрыт. Выглядит очень развратно.

– Туфли не забудь, – говорит Чертков, кивая на пол.

Я решаю воздержаться от протестов. Надеваю обувь. Эти туфли скорее для стриптиза, чем для выхода в свет. Шпильки просто гигантские. Я с трудом балансирую на них, несмотря на привычку вышагивать исключительно на каблуках.

Чертков хватает меня за руку и тащит к выходу, подталкивает к обеденному столу, толкает в спину, вынуждая наклониться.

– Отлично, – прижимается сзади. – Даже снимать ничего не надо, можно нагибать и драть в свое удовольствие.

– Куда, – запинаясь. – Куда мы идем?

– Надо исправить одну деталь, – он разрывает мое нижнее белье. – Так-то лучше.

– Я не...

– Пошли, – отстраняется, тянет за запястье.

– Куда?! – восклицаю истерично.

– Узнаешь, – ухмыляется.

– Я не готова. Я не накрашена и...

– Вряд ли кто-то будет смотреть на твое лицо.

Он шлепает меня по заднице.

– Когда открывается вид поинтереснее.

Глава 9

Я слежу за дорогой, пытаюсь понять куда именно мы едем. Спрашивать бесполезно, но может я сумею догадаться.

Поправляю платье, не хочу ерзать голым задом по сиденью. Только стоит слегка потянуть вниз, как грудь обнажается настолько, что виднеются соски, и приходится подтягивать непокорный наряд выше.

Замкнутый круг.

– Серьезно? – издевательски выгибаю бровь, когда авто паркуется на стоянке. – Этот притон для извращенцев?

– Закрытый клуб для избранных, – насмешливо поправляет Чертков.

Я бы поспорила, но не чувствую необходимого расположения духа. Я не готова сражаться. Не сегодня, не сейчас.

Закрытый клуб для избранных – «Адское пламя». Там собирается элита, модная тусовка. А здесь царят совсем иные нравы.

«Вавилон» – самый настоящий притон. На вид все скромно и прилично, ограждено высоким забором, охраняется парнями атлетического телосложения. Сюда тоже не пропустят кого попало, но тут фейс-контроль иного порядка.

Это место, где собираются на шабаш фанаты БДСМ. Исключительно богачи, ведь далеко не каждый потянет вступительный взнос и ежемесячную оплату членства.

Меня никогда не тянуло в подобные заведения. Я предпочитала более стандартные и скучные развлечения.

– Теперь ты здесь рулишь? – прощупываю почву.

В памяти всплывает информация о том, что этой зимой хозяина данного здания нашли в лесу. Замерзшего и покалеченного до неузнаваемости.

– Иногда забегаю на огонек, – бросает Чертков, заглушая двигатель. – Греюсь.

Он подмигивает, а по моей спине течет ледяной пот.

– Так ты доминант?

Придаю последнему слову ругательный оттенок. Тонем.

– Я вне игры.

– Почему? Как же они позволили тебе управлять своим гадюшником? Прямо надругательство над «темой».

Вопросы риторические, едва ли Чертков спрашивает чье-то разрешение.

Он выходит из авто и ловко извлекает оттуда меня, берет за локоть, ведет вперед, в гнездилище разврата.

Я ступаю следом, не тешу себя иллюзией выбора. Надеваю на лицо маску полной непроницаемости. Я не намерена показывать эмоции.

Спину ровнее, выгнуть до боли. Голову выше, достать до небес. Я иду, чуть покачивая бедрами, всем своим видом демонстрирую королевское безразличие. Складываю губы в легкой усмешке, добавляю немного презрения, самую малость, важно не перестараться.

Я тянусь к Черткову, и его ладонь ложится на мою талию, как будто это такой рефлекс.

Я шепчу ему на ухо:

– И что ты сделаешь? Будешь хлестать кнутом? Закуешь в цепи? Оттрахаешь на глазах у любопытной публики?

Я озвучиваю максимальное количество пунктов заранее, лишая грядущее эффекта неожиданности.

– Ты можешь думать только о сексе, – прохладно заключает Чертков.

– Ну извини, окружающий пейзаж навеивает определенные ассоциации.

Взгляду не на чем отдохнуть. Вокруг одна сплошная, бесконечная оргия. Куда не посмотри – ожившее порно.

Разные типажи, разные фантазии. Сотни картинок сливаются в единое полотно ядовитой порочности. За некоторыми людьми приятно наблюдать, невольно любуешься красотой, а некоторых я бы никогда не хотела увидеть голыми, аж тошнота к горлу подкатывает.

Фоновая музыка не заглушает ни стоны, ни вопли. Лишь оттеняет, придает особый оттенок безумному беспределу.

Очень худая, совсем молоденькая девушка стоит на коленях перед престарелым бором. Ее макушка ритмично двигается, а руки связаны толстой веревкой. На шее ошейник, на голове обруч с кошачьими ушками.

Три мускулистых парня вертят гибкую женщину как пожелают, трахают по ее по очереди, во все доступные отверстия. А напротив стоит несколько наблюдателей, вдохновенно мастурбируют.

Седая дама с обвисшей до пупка грудью сидит на стуле, широко раздвинув ноги, над ее лоном склонился возрастной кавалер.

Некоторые получают удовольствие в одиночестве, некоторые ищут компании побольше. Кто-то одет, кто-то абсолютно голый. Цепи, плети, различные девайсы. Чего тут только нет. Даже несколько секс-машин. Жутковатые устройства, куда легко уложить человека и устроить все так, чтоб его таранили гигантские искусственные члены.

А вдруг Чертков собирается проверить такое со мной?

Будто почуяв мой страх, он останавливается возле одного из подобных устройств. Нежно утирает в сторону прядь моих волос и хрипло спрашивает:

– Хочешь попробовать?

Нервная вибрация сотрясает тело.

Я молча наблюдаю за развернувшимся передо мной действием.

На деревянной скамье лежит женщина, ее руки скованны железными манжетами, запястья закреплены над головой. Бедра разведены и согнуты в коленях, тоже крепко зафиксированы. Чудовищных размеров вибратор вдавливаются ей между ног с такой скоростью, что у меня перед глазами все плывет.

Рядом мужчина в наглухо закрытой латексной маске регулирует напор и глубину проникновения, нажимая на разные кнопки на пульте управления. Искусственный член проникает

настолько глубоко, что у женщины явственно вздувается живот. Она кричит, умоляет о большем, дрожит и выгибается.

– Это гадко, – бросаю, скривившись, и отворачиваюсь.

– Правда?

Чертков прижимается сзади, его ладони стискивают плечи, а внушительная эрекция упирается туда, где до сих пор красуются следы от ремня.

И мои бедра моментально отвечают на немой призыв. Внутри разливается кислота, разъедает плоть неконтролируемым возбуждением.

– Да. Омерзительно.

– Тогда ты обязана лично это испытать.

Его пальцы поднимаются по шее, сжимают виски и заставляют смотреть на отвратную сцену.

Мужчина в латексной маске регулирует высоту лавки, подходит к стонущей женщине и вставляет в ее распахнутый рот свой вздыбленный член. Совершает несколько мощных фрикций, буквально душил.

– Представь, что это мы, – Чертков специально растягивает слова. – Там. Ты покорно лежишь на спине, тебя насилует огромный резиновый хр..н. А я загружаю тебе в глотку. Мои яйца мирно покоятся на твоих глазах, а член полностью перекрывает кислород.

– Ты моральный урод.

– И не стесняюсь этого.

– Даже гордишься.

– А чем гордишься ты? Тем, что с видом голодной кошки разглядывала меня? Следила за каждым движением, терлась как бы невзначай. Думаешь, я не замечаю, как пылают твои глаза, когда ты пялишься на меня?

– Ты выдаешь желаемое за действительно, – цежу сквозь зубы.

– Выходит, у меня галлюцинации, и твоя тугая попа не выписывает круги вокруг моего стояка.

Замираю, понимаю, что совсем не контролирую собственные движения.

Черт... Чертков.

– Ты опробуешь все машины в этом заведении, – обещает сладко. – Когда-нибудь.

Его ладонь опять обжигает мою талию.

Он ведет меня за собой. Дальше. Вверх по лестнице, минуя несколько этажей и людей, слившихся в экстазе.

Я привыкла к тому, что мужчины с трудом могут отвести от меня взор. Но я не привыкла, чтобы моего парня также нагло оценивали женщины.

Моего парня.

Моего?!

До чего я дошла. Это просто смешно. Это совсем по-идиотски. Дебилизм. Абсолютный, полный.

Я перехватываю чужие взгляды. Восхищенные. Заинтересованные. Раздевающие. И ненавидящие. Завистливые. Адресованные мне. И ему.

Пафосный дизайн явно не в стиле Черткова. Тут много статуй в античном стиле, мебель с витиеватыми завитушками. Пестрые, кричащие тона. Везде зеркала в золотых рамах. Наше общее отражение притягивает меня.

Мы смотримся красиво.

Оба высокие и стройные, хотя на его фоне я кажусь совсем тощей, болезненно худой, необычно хрупкой. Он настолько огромный, что заслоняет все, перекрывает, заполняя без остатка.

Мы оба в черном.

Мы практически идеальны. И уродливы. Но кто это поймет? Здесь нет тех, кто способен проникнуть в душу. Толпа вокруг беснуется.

Стук каблуков сливается со стуком сердца.

Мы входим в мрачный, темный коридор, освещенный светильниками в форме факелов. Останавливаемся перед массивной дверью.

Я застываю и ощущение такое, будто стынет кровь, жилы замерзают. Морозная стужа пленяет похлеще метала.

Что он задумал? Что Дьявол приготовил для меня?

Дверь открывается и на пороге возникает бритоголовый мужик. Его возраст трудно определить, мешает косматая борода, закрывающая большую часть лица. Непонятный тип, неприятный, весь в татуировках. Даже на черепе красуется разноцветная паутина, а на горле набита драконья голова.

Я вопросительнозираю на Черткова, но тот просто подталкивает меня вперед.

А дальше? Будет трахать в компании этого фрика? Или прикажет ему наблюдать? Снимать нас на камеру со всех возможных ракурсов?

Я прохожу в комнату, оглядываюсь. Я по-прежнему ничего не понимаю.

– Это что? – спрашиваю, нахмурившись. – Тату-салон?

Я узнаю технику, несколько раз бывала в подобных местах. Хотя на моем теле нет ни единой татуировки.

Однако никто не спешит давать разъяснения.

Чертков выводит меня в самый центр комнаты, прямо к кушетке, освещенной яркими лампами. Оказавшись под прицелом такого количества света, я невольно зажмуриваю глаза.

Он сдирает платье, спускает до талии, еще ниже. Никак не реагирует на мой тихий вскрик. Укладывает меня на твердую поверхность. На живот. Опускает наряд еще ниже. Теперь только зад прикрыт. Да и то слабо.

Ослепленная, лишенная точки опоры, я впадаю в панику.

– Нет, что ты делаешь.

Я протестую, вырываюсь, пытаюсь подняться.

– Лежать, – рявкает Чертков.

И я невольно обмякаю.

– Ты будешь лежать и терпеть столько, сколько потребуется, – сообщает он. – Как хорошая девочка. Или я поступлю с тобой, как с плохой. Прикреплю к одному из тех увлекательных устройств, и здоровенные резиновые болты разработают тебя так, что ведро без проблем войдет.

Я не шевелюсь.

– Сообразительная детка.

Я не вижу его, но я знаю, что он улыбается.

– Приступай.

Это уже не мне.

Стрекотание тату-машинки нарушает тишину. Я вздрагиваю. Заранее.

Но пока инструмент просто проверяют.

– Здесь и здесь.

Пальцы Черткова скользят по моей спине. Рисуют линии вниз.

Меня подготавливают, кожу протирают, обрабатывают чем-то. В районе поясницы ощущается легкий холодок.

А потом вновь слышится стрекотание механизма, следом за звуком приходит жгучая боль.

Первый укол. Еще и еще. Жало не ведает усталости, врезается в плоть.

И я опять не могу сложить два и два. Я не сразу понимаю в чем суть. Я в ступоре, мозг полностью парализован.

Во мне бьется единственная мысль: «Только не это. Только не так. Только не приковывай к той ужасной машине».

Я фокусирую внимание не на том, на чем надо.

– Что ты делаешь, – вдруг шепчу срывающимся голосом. – Что ты хочешь на мне вырезать.

Чертков гладит меня по голове.

– Не вырезать. Вытатуировать.

– Что, – давлюсь истерикой. – Что?

– Сюрприз, – он смеется.

И меня накрывает волна.

Кроваво-красная.

Я чувствую ее вкус. Я ощущаю ее пульсацию. Я вижу невидимый узор. Повсюду. Реальность сжимается до размеров единственной точки. Бьется внутри, грозит переломить хребет.

Я давно ничего не принимаю. Я чиста. Но мозг все помнит.

Время устремляется назад, покадровая перемотка.

Я вновь попадаю туда. В свой личный ад. В момент, который заклинило на подкорке, точно старый кассетный магнитофон зажевал пленку.

До боли знакомая мелодия. Нож врезается в спину. Медленно, невыносимо медленно.

Я не могу закричать. Я не могу заговорить. Я заключена там навечно.

Вкус земли на моем языке сливается со вкусом моей собственной крови. Я переживаю этот бесконечный миг снова и снова.

Я дрожу. Мелко-мелко. Я покрываюсь ледяной испариной. Задыхаюсь.

Я понимаю, что со мной происходит, но я ничего не сумею с этим поделать. Плата за ошибки прошлого настигает неожиданно. Всякий раз как впервые. Последствия моих глупостей настигают, будто ураган, крушат и выворачивают наизнанку.

– Какого хр...на?!

Кто-то встряхивает меня. Опять. И опять. Трясет, как будто хочет вытряхнуть душу.

– Катерина.

Оплеуха. Еще одна оплеуха.

– Катерина, мать твою, Олеговна.

Красная пелена отступает, и я вижу то единственное, что желаю видеть всегда. Глаза, цепляющие мое нутро за живое. Глаза, в которых небо пожирает тьма.

– Черт, – шепчу я. – Черт-ков.

Я улыбаюсь и тянусь к нему.

– Сколько ты в завязке? – мрачно спрашивает он.

– Не понимаю... о чем ты?

– Сука, – бьет меня по лицу так, будто хочет снести голову с плеч. – Сколько?

Я сплевываю кровь и криво усмехаюсь:

– Тебе не насрать?

– Что употребляла? – допрос продолжается. – ЛСД?

– Все!

– Ну тогда понятно, – стучит кулаком по затылку. – Мозги спеклись.

– Это просто флешбэк. Иногда накрывает.

Даже если ты попробовал наркотики только раз, не исключено, что психика не выдержит. Ты не способен это никак контролировать. Флэшбек может накрыть в любое мгновение. Ты больше ничего не применяешь, но эффект не исчезает до конца, проявляется в самых неподходящих местах, в самых неудобных моментах. За рулем. На вечеринке. Во время важного

совещания. Где угодно. Тебя просто накрывает и все. Ты чувствуешь цвет на вкус. Мир вокруг неотвратимо меняется. Ты попадаешь в ловушку, из которой не выкарабкаться на поверхность.

Я уже давно подобного не испытывала. И вот опять.

Я не слишком стеснительна и не испытываю стыда за свои поступки, но меньше всего на свете я бы хотела обнажать перед Чертковым эту часть своей жизни.

Я стою перед ним на коленях, на кушетке. Татуировщик куда-то исчез. Здесь только мы и ослепительное пятно света.

Его руки касаются моих рук, разворачивают, проверяя сгибы локтей. Как будто там могли остаться следы прошлых преступлений.

Я посмеиваюсь, почти не замечая боли.

– Можно подумать ты таким не баловался. Не волнуйся. Я не заразная. Я не принимаю ничего уже много лет.

Его пальцы перебирают мои волосы.

– Наркоманка.

Он склоняется надо мной.

– Конченная.

Моя жажда настолько сильна, что внутри все печет.

Пожалуйста, поцелуй меня.

Чертков обводит мои губы большим пальцем, смотрит очень внимательно. А я не сдерживаю утробный стон.

Я так хочу.

Хочу до безумия.

– Твои губы не для поцелуев, – говорит он.

Эта фраза действует на меня как разряд электрошокера.

Чертков продолжает обводить мои губы большим пальцем, продолжает смотреть так, как будто готов сожрать с потрохаим. А я разом обмякаю, и даже не замечаю света вокруг, погружаюсь во мрак.

Я соскальзываю вниз, безвольно растягиваюсь на кушетке. Я позволяю делать с собой абсолютно все.

Он вызывает татуировщика, и попытка продолжается. Но я больше не чувствую ничего. Я просто не замечаю внешние раздражители. Внутри меня все разрывается от боли. Я не страдаю на физическом уровне. Мне плевать на то, что со мной делают. Я думаю о другом.

Мои губы не для поцелуев. А для чего? Для того чтобы трахать? Кто я для него? Кусок мяса?

Я думаю о том, почему мне так мучительно хочется его поцеловать, и не обнаруживаю ни единого адекватного объяснения.

Я не знаю, как долго длится процесс нанесения тату. Но Чертков не отходит от меня ни на секунду. Его пальцы поглаживают мою макушку, и хоть это и безумие, я не могу ненавидеть его сейчас. Не могу презирать. Я даже разозлиться на него не могу. Я не хочу, чтобы он меня отпускал. Не хочу, чтобы уходил. Даже если он относится ко мне как к мусору, я не хочу разрывать наш тесный контакт.

Мою поясницу снова чем-то обрабатывают, потом слышится шелест пленки, которой меня обматывают, чтобы защитить поврежденную кожу. Кажется, все готово.

– Что там? – спрашиваю тихо.

– Увидишь.

Чертков поправляет мое платье, помогает мне подняться.

Я с трудом держусь на ногах, на этих сумасшедших каблуках. Ощущение словно у меня температура под сорок.

Он ведет меня за собой, поддерживая за талию, и я думаю – а что если бы все сложилось иначе?

Если бы я была хорошей и скромной, тихоней. Если бы никогда в жизни не принимала наркотики. Если бы родилась в простой семье.

Эти мысли настолько абсурдны, что я истерично хихикаю.

– Развеселилась, – хмуро заключает Чертков.

– А чего горевать?

Мы заходим в кабинет. Он усаживается за рабочий стол, начинает разбирать и подписывать какие-то бумаги. Я занимаю кресло в стороне, присаживаюсь боком. Спиной облокачиваюсь на один подлокотник, ноги забрасываю на другой.

Я не привыкла быть в роли жертвы. Я понимаю, что давно пора переломить ход игры. Но обычно трезвый разум целиком затуманен. Я не управляю собственными эмоциями. Я отвыкла, я забыла как это – чувствовать – а теперь заново привыкаю.

Я надеюсь, что справлюсь.

Надеюсь? Дьявол! Я должна быть уверена.

Дверь открывается настежь, и в комнату заходит колоритная компания.

Женщина лет сорока в сверкающем черном корсете и обтягивающих кожаных штанах ведет на поводке двух голых девиц. Их шеи украшают ошейники с позолоченными шипами. Соски проколоты, а к пирсингу прикреплены небольшие грузики, оттягивающие грудь вниз, от них тянутся тонкие цепи, также прикрепленные к ошейнику. Когда девушки на четвереньках ползут дальше, я вижу, что попу каждой из них венчает миниатюрный пушистый хвостик.

Мой рот невольно кривится в нервной улыбке. Это не худшее из того, что мне довелось повидать. Особенно сегодня. Но вызывает стойкое отвращение.

– Поживее, шавки.

Женщина грубо подгоняет своих рабынь.

– Что же ты пришел и не поздоровался?

Тембр ее властного голоса резко меняется, когда она обращается к Черткову. Теперь дама буквально мурлычет. Она подходит к столу, склоняется, выставляя напоказ соблазнительную грудь. У нее отличная фигура, не могу отрицать.

– Обслужите господина, ленивые сучки, – холодно приказывает она.

И девицы сразу начинают тереться о ноги Черткова, льнут к его паху.

– Стоп.

Ответная реакция не заставляет себя долго ждать. Он резко поднимается и отталкивает от себя настырных девушек, которые тут же жмутся к полу и униженно скулят.

Неужели я так мерзко выгляжу, когда трясусь от страха? Вот дерьмо.

– Я не заказывал обслуживание в номер, – говорит Чертков. – Проваливай и этих следом за собой забирай.

– Здесь так дела не делаются, – она шурится, качает головой. – Это против правил.

– Значит, пора поменять правила.

– Ты должен вступить в права собственности. Тебя здесь терпят только благодаря моему авторитету.

Похоже, эти «тематики» совсем без тормозов. Или только она такая отмороженная? Не уверена, что многие хотят рисковать, идя против воли Черткова. Вряд ли кому-то хочется отскребать с пола собственные мозги.

– А это что? – женщина переключается на меня, окидывает презрительным взглядом.

– Это мое, – следует холодный ответ.

– Ты можешь использовать ее для посвящения. Послушай... это же Князева?

Она подходит ко мне, внимательно разглядывает, а я испытываю непреодолимое желание расцарапать ее лицо ногтями.

– Так вот в чем проблема, – усмехается. – Обычно ты не прочь развлечься, но когда рядом такая дерзкая сука, все мысли о ней, да? Дай-ка мне ее на пару дней, и я выдрессирую твоего нового зверька. Конечно, придется попортить шкурку, но иначе с ними нельзя...

– За своей шкуркой следи!

Я оборачиваюсь и бью ее ногой, стальная шпилька легко разрезает кожаные штаны, полощет бедро.

Я действую быстро. Жестко, резко. Если ты решил кого-то ударить, то бей, причем наверняка.

Я не совершаю такой ошибки как с Чертковым. Здесь и сейчас я во всем уверена. Мне нужно выпустить пар.

Женщина вопит, скривившись от боли. Она собирается нанести ответный удар, но Чертков хватает ее за горло и выставляет за дверь.

– Говорил же – проваливай.

Он смотрит на дрожащих голых девушек.

– На выход!

Те аж подскакивают, поспешно ползут прочь.

Жаль, могла получиться интересная драка. Не люблю упускать удачную возможность, но иногда иначе нельзя.

– Трахал их по очереди? – рассматриваю окровавленный каблук. – Или сразу скопом?

Он подходит ко мне, обхватывает пальцами мой подбородок и заставляет поднять голову.

– Ревнуешь?

Прежде я бы расхохоталась ему в лицо, но теперь задумываюсь.

– Что за посвящение? – отвечаю вопросом на вопрос. – В студенты?

– Тебя это не должно волновать.

Странно, а я волнуюсь.

— — —

Мы проходим через весь клуб, направляемся к выходу. И я понимаю, зачем он нарядил меня так, зачем заставил танцевать тогда, в первую встречу. Ему льстит, что Екатерина Князева находится в его власти, в полном распоряжении. Желанная добыча. Я не просто неизвестная смазливая девчонка. Я видная фигура на шахматной доске.

Все изучают исподтишка, ненавидят и восхищаются. Но кто посмеет коснуться, если руки самого Черта обвиты вокруг меня?

Никто не видит печать, но все ее чувствуют.

Когда мы возвращаемся в квартиру, я сразу избавляюсь от платья, пытаюсь стянуть пленку и рассмотреть татуировку.

Проклятье, она гораздо больше, чем я представляла, занимает всю поясницу. Крупная, темная. Черно-красная. Только я не успеваю различить детали.

Чертков перебрасывает меня через плечо и уносит в душ.

– Что там? – спрашиваю нервно. – Скажи.

Он ставит меня на пол, лицом к раковине, к зеркалу. Ведет пальцами по травмированной коже.

– Красиво.

Сбрасывает пиджак, ослабляет галстук и снимает через голову, расстегивает рубашку. Он раздевается догола, а я хватаюсь за раковину, чтобы не упасть.

Я чувствую жар и мощь его тела, даже не соприкасаясь, не дотрагиваясь. Он настолько огромный и сильный, что у меня перехватывает дыхание. Вокруг горла обвивается петля, и я четко сознаю, что не выберусь, как бы ни вырывалась. Я не убегу, ведь я не хочу убежать.

– Смотри, – он обхватывает меня, поворачивает. – Читай, кто ты теперь.

Я жадно впиваюсь взглядом в татуировку на спине. Шок сменяется ужасом. Это же не смуть, от этого не избавиться.

Кровавые буквы будто вырезаны на мне, обвиты терном. Черные шипы оттеняют темно-красные, огненные линии. На пояснице красуется выразительная надпись – 'Devil's Whore'. Шлюха Дьявола. Вот что за клеймо на мне выжгли.

Шрифт в готическом стиле. Объемный, внушительный. И мрачный узор.

– Я хотел написать попроще, чтоб всем стало ясно. Подстилка Черткова или вроде того. Но мастер посоветовал такой вариант. Действительно эстетично.

– Ты... это же теперь на шрамах.

– Твоих шрамов больше нет.

Он проводит пальцами вдоль позвоночника, и я выгибаюсь. Невольно. Как кошка подставляю спину под ладонь хозяина.

– Как? – в моем голосе паника. – Как же?

– Нет ничего, что было до меня.

Горячие ладони ложатся на мои плечи, давят, опуская на колени.

Только теперь до меня доходит, что он сделал. Он отобрал все. Даже прошлое, даже отметины от ножа. Он не может смириться с тем, что кто-то другой пытал меня. Как сильно он меня ненавидит. Это не выразить.

– Ты не должен был. Ты не имел права.

Чертков надавливает между лопаток, заставляя вжаться в ледяной кафель. Раздвигает мои бедра, ягодицы и начинает смазывать.

– Нет, не надо опять туда. Прошу, не надо... Хватит.

Его член проникает в лоно, легко, без препятствий, проскальзывает внутрь одним движением. А пальцы по-прежнему смазывают и разминают анус.

– Тебе мало обычного секса? – дрожу. – Почему?

– Так тебя могли иметь все, – толкается внутрь и отстраняется, начинает медленно проникать сзади. – А так буду иметь только я.

Слабо всхлипываю, кусаю кулак, сдерживая вопль. Молить о пощаде бесполезно. Он скорее порвет меня, чем отпустит.

Он проникает вглубь, заполняет медленно и неотвратно. Он поглаживает мою татуировку, и его член становится тверже, если только это возможно.

Мне кажется, он сейчас раздавит меня, размажет по полу. Я смотрю вперед и как зачарованная не могу отвести взгляд от отражения в стеклянной дверце душевой кабины.

Я кажусь совсем маленькой и беспомощной. Волосы разметались во все стороны. Грудь вдавлена в кафель.

А он со звериным рычанием овладевает мной. Мышцы напряжены, налиты кровью. Вены вздуты. Он чудовище. Монстр, от которого не убежать. Он вынуждает меня выгнуться настолько, что я вижу собственную татуировку. Он методично толкается дальше, и тело разрывается от боли.

– Не дергайся, детка, – он прижимается плотнее, входит до упора и замирает. – Твоя маленькая попка привыкнет и даже потребует добавки.

Он больше не двигается, только сжимает мою грудь, наваливается сверху. И, кажется, его раскаленный член снова растет и увеличивается. Пульсирует, набухает, неспешно растягивая меня.

– Нет, – мотаю головой. – Я не хочу. Никогда не захочу.

– Ты моя сучка. Ты будешь хотеть все, что захочу я.

– Нет. Я не сучка. Я не...

Он отступает, почти покидая мое тело, а потом вбивается обратно.

– Чувствуешь?
– Кончай уже, – выдыхаю судорожно.
– Куда нам торопиться. Я намерен трахать тебя часами. Долго. Очень долго. Знаешь, что надо делать с такой жаркой задницей?
– Что? – проклинаю себя за очередной жалобный всхлип.
– Жарить.
Он хохочет.
– Драть. Натягивать.
И он держит свое обещание.
– Пошел ты!
– Уже. Я уже тут. Покрути своей тугой попой, как умеешь.
Я содрогаюсь от бессильной ярости, а ему от этого только новый кайф.
Он сжимает мои бедра, вращает, как удобно. Врезается глубже.
– Принцесса попала, – шепчет на ухо. – На вертел.
Но и ты попал, гад.
Иначе почему не способен оторваться от меня?

Глава 10

Все мои мысли о ней, и это похоже на болезнь. Нет. Это и есть болезнь. Одержимость, которую я сам вырастил внутри. Я жаждал мести, расплаты за грехи, и не заметил, как самая ненавистная на свете женщина стала частью меня.

Я не могу сосредоточиться на работе, не могу решить ни единого вопроса. Проблемы не ждут, враги не дремлют. А мне плевать. Я бесцельно листаю документы, не способен ни единой строчки прочесть.

– Ты, – шепчет она в моей голове. – Ты... ты убиваешь меня.

И я хохочу в ответ.

Ее тело дрожит подо мной. Мелко, судорожно. Спазм за спазмом сотрясают горячую и тугую плоть.

Я вспоминаю этот момент снова и снова.

Момент? Слабо сказано. Я трахал ее всю ночь, до утра. Я не сумел оторваться. Чертова татуировка сводила с ума.

Я будто обезумел. Оголодал. По ней. Я как бешеный пес сорвался с цепи. Лучше бы кто-нибудь меня пристрелил.

Я себя не контролировал. Я поставил ее на колени, нагнул и отодрал до абсолютного помутнения. Я никого и никогда не трахал так. Даже со шлюхами обходился нежнее. А тут... я осатанел. От ее порочного запаха, от гладкой, будто шелковой кожи. От контуров рисунка, который ей больше не смыть, не стереть. От ощущения полной власти над ней.

Мой разум потерялся где-то в ее роскошной, упругой заднице. А ее пульс затихал под моими пальцами.

– Пре... прекрати, – хрипло молит она. – Про... прошу.

И я только ускоряю ритм, я вбиваю ее в ледяной пол. Я хочу насытиться. Но я не могу. Не удастся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.